

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Работая над повестью о том, как выкрали из банка более полутора миллионов рублей, я должен был быть очень осторожным с терминами. В моем случае не было нападения, столкновения с охраной, с работниками банка. Была кража. Кто-то из специалистов сказал:

— Мягко выражаясь, украли... полтора миллиона рублей. Чуть меньше, чем во время «ограбления века»...

Меня не было в родном городе, когда ограбили банк. Я в это время путешествовал из Ноемберянского района Армении на Урал. Семнадцать дней длилось мое какое-то странное, с одной стороны, и мученическое — с другой, путешествие на север, на восток, туда, где сходятся Азия с Европой. Странное потому, что я вез в пятирефрижераторных вагонах восемьдесят тонн отборных персиков золотистого цвета (многие ящики собирал и отбирал сам). Мученическое потому, что я извелся в пути. Если бы кто знал, какая это пытка для путешественника — бесконечные ненужные остановки. Я посчитал: поезд двигался со скоростью чуть более десяти километров в час. Хотел посмотреть собственными глазами, во что превращаются «мои» отборные персики где-то в Свердловске или Нижнем Тагиле. И увидел. В гниль!.. Плодоовощники Урала даже придумали свой термин, который впоследствии получил права гражданства среди публицистов, пишущих о потерях сельскохозяйственных продуктов. «Абсолют». Так они назвали стопроцентную гниль. То есть гниль абсолютную. Сейчас не время и не место рассказывать о приключениях самих персиков, тем более что я много об этом писал. Мало того, добивался, чтобы на Урал, на Крайний Север, на Дальний Восток отправляли витамины из южных районов страны только самолетами. Зимой — в консервированном виде. Так надо, думал я. Так надо хотя бы потому, что другого выхода нет. Жители Урала и Сибири должны получать фрукты в достаточном количестве. Только фрукты, а не «абсолют». И я писал об этом. Как писал и о том,

что в Министерстве плодоовощного хозяйства мне «по-своему» объяснили причину, почему фрукты в отдаленные районы отправляют не самолетами: «Слишком дорого!» Не правда ли, странно! Лучше, оказывается, поездами привозить потребителю «абсолют», а потом весь груз выбрасывать на свалку, чем доставлять самолетами, но продавать подороже. Я спрашивался в министерстве, во сколько бы обошлась доставка самолетами? Мне ответили довольно конкретно: «Дорого, очень дорого». Это, по-видимому, означало: зачем, мол, вам какие-то там цифры? Дорого, и всё тут! Лишь потом я выяснил: почти в два с половиной раза дороже, чем по железной дороге. Узнал еще, что те персики, которые я «вез» поездом до Урала, самолетами можно было доставить всего за пять часов (вместо семнадцати дней), потратив менее пятисот тысяч рублей. Я, конечно, понимаю всю неконкретность этих, казалось, конкретных показателей. Но все же в блокноте моем появились осязаемые цифры. Полмиллиона рублей стоит доставка аэрофлотом, скажем, фруктов на Урал.

И еще, прежде чем сесть в рефрижераторный поезд, я отправил, можно сказать, самолично еще два состава с холодильными вагонами. Они называются «механизированными пятерками», или — «мехпятерками». Мне нужно было удостовериться, в каком состоянии дойдет продукция до Урала. Во всех составах я обнаружил «абсолют». Видел, как вереница машин подъезжает к вокзалу и увозит гниль на свалку. Разумеется, грузчики вывозили «абсолют» не бесплатно. Думаю, каждая «мехпятерка» обошлась государству в конечном итоге не меньше, чем в пятьсот тысяч. То есть, во столько же, как если бы доставляли самолетами. С той лишь, разницей, что в одном случае детвора Урала могла бы полакомиться отменными фруктами, а в другом — воротила бы носы от прокисшего духа «абсолюта».

«Всего полмиллиона», — записал я в блокноте. Но вскоре зачеркнул и написал: «Всего полтора миллиона». Это я уже имел в виду все три состава, которые самолично «отправлял». И цифра эта осталась накрепко в моей голове. Я как-то остро почувствовал, что полтора миллиона рублей — это в общем-то «мелочь пузатая». Но в то же время сознавал, что это — гигантская сумма.

И вот я узнаю: вору залезли в банк и украли столько же. Даже больше. Может, в другой раз я воспринял бы весть о краже такой суммы как-то иначе, так, как все. Но тогда, сразу пос-

ле возвращения с Урала, я невольно связал цифры, записанные в моем блокноте, и те, что узнал. Само преступление мне показалось каким-то значительным, из ряда вон выходящим. И мне захотелось непременно написать об ограблении банка. Захотелось еще и потому, что буквально с первых часов все мои знакомые, а подчас и незнакомые по-разному, по-своему рассказывали о «взятии банка». Чуть ли не у каждого была своя версия ограбления.

К версиям я еще вернусь. Пока скажу читателю, что не собираюсь во всех подробностях описывать многосложную работу оперативной группы, которую создали сразу же после совершения преступления. В группу входили опытные работники милиции и прокуратуры, представители других служб. Я попытаюсь рассказать лишь о работе одного прокурора, который давно стал легендой в нашем городе. О нем рассказывали были и небывлицы. Называли его провидцем, оракулом. Говорили еще, что он становился беспомощным, когда преступление совершали неопытные подростки или великовозрастные дебилы. В таких случаях прокурор, который долгие годы работал в уголовном розыске, потом следователем прокуратуры по особо важным делам, просто терялся. Он не мог предусмотреть действий преступников. Чтобы предугадать очередной шаг человека, совершившего преступление, надо поставить себя на его место.

Я видел прокурора в его кабинете, из которого он редко выходил. Он творил, как творит ученый в лаборатории. Я следил за его медлительными движениями, за ходом его мыслей. И подумал, что скорее расскажу, нежели покажу события, связанные с ограблением банка и раскрытием преступления. Надо было бы поступить наоборот, но я все же решил рассказать. Еще не приступив к работе, я чувствовал, что напишу не просто очередную повесть, а повесть-репортаж. Одно знал твердо: в прокурорском кабинете я лишь соберу материал, услышу о самих преступниках. А вот репортаж придется вести непосредственно с места, где проводится следственный эксперимент...

В те августовские дни я по утрам спешил в кабинет прокурора, как на работу. Собственно, так оно и было. Моя работа для других незаметна, никому не в тягость. Сидел в сторонке, чаще всего в уголке, и слушал. Не сказал бы, что легкое это дело — слушать, и слушать внимательно, о чем говорят другие, запоминать, записывать то, что может пригодиться. А ведь еще

надо знать, что именно может пригодиться, а что лишнее. Нынче не так важно получать информацию, как не загромождать память лишним грузом. И я записывал.

Прокурор Арташес Суренян каждое утро, встречая меня, говорил одно и то же: «Садитесь вон там в углу. Сегодня, помоему, день для вас будет интересным». Но никогда не раскрывал своих планов заранее. Не было исключения и в то августовское утро. Суренян, бросив с ходу свое традиционное «садитесь», добавил: «Следственный эксперимент». Ему казалось, я, без сомнения, хорошо знаю, что это такое. Я действительно знал, о чем идет речь. Знал, с какой скрупулезностью исследователя будут «повторять» само преступление. На том же месте, лучше в то же самое время суток. И каждый шаг необходимо снять на киноплентку. Дело серьезное. Статья предусматривает высшую меру наказания. А вдруг во время суда обвиняемый скажет, мол, все ерунда, о чем здесь, в этом зале, говорится. Ничего подобного не было. Меня, мол, стращали, заставляли наговаривать на самого себя.

Бывали ведь и такие случаи. В самом деле, чего терять человеку, который знает: его поведут на смерть. Говорят, каждый преступник, идущий, так сказать, на Дело, заранее знает статью, по которой его будут судить. В зале суда наивных людей не бывает. И не случайно обреченный человек изворачивается, хитрит, ищет лазейку. На худой конец стремится затянуть процесс — все подальше от рокового часа. Случалось, когда в самый разгар судебного заседания обвиняемый наотрез отказывался от своих прежних показаний. Вот тут-то судьи опускали в зале занавес. И начинался... киносеанс. На экране демонстрировался фильм, рассказывающий и показывающий следственный эксперимент.

Суренян нажал на клавишу коммутатора и, не дождавшись, пока ему ответят, бросил:

— Заходите!

Я смотрел на хозяина кабинета чаще всего сбоку. Плотный мужчина сорока пяти лет, волнистые седеющие волосы, прямой нос с едва заметной горбинкой. Когда во время разговора он поворачивался ко мне лицом, я невольно обращал внимание на его большие карие глаза, огромный лоб. Знал я его давно. Никогда не видел этого человека в сорочке, в летней тенниске. В любую жару он надевал костюм с галстуком. Однажды я спросил его об этом: мол, жара, духота — и пиджак, галстук. Он ответил одним словом: «Протокол». Немного погодя доба-

вил: «Надоело все это». Я хорошо понимал, что надоел ему не только этот самый протокол.

В кабинет вошли два молодых следователя. Всего несколько дней я знал их, но мы уже успели подружиться. Самсон Асатрян, небольшого роста, с бычьей шеей, волосы, отращенные на затылке и на висках, тщетно пытались прикрыть большую лысину. И долговязый Вардан Хачатрян, с массивным носом, оседланным роговыми очками. Они вели следствие по делу, которое в те дни волновало многих, меня, может, особенно. Каждое утро Самсон и Вардан докладывали, что было по разработанной схеме добыто накануне, и, получив соответствующие указания, отправлялись на новую встречу с задержанными, которые подозревались в ограблении банка. И каждый раз я отправлялся вместе с ними. Но на сей раз я понял: мы не поедем по обычному, ставшему для нас привычным, маршруту. Сегодня будет проведен самый, пожалуй, главный следственный эксперимент. Преступники должны будут пройти свой маршрут от начала до самого конца. Куда ехали; как ехали? Как взбирались на чердак? Как вылезли из слухового отверстия на крышу? И непременно на соответствующем этапе показывать рукой. Ведь все это будет сниматься на пленку: и лестница, ведущая на чердак, и слуховое отверстие. Словом, надо восстановить всю картину ограбления в деталях, шаг за шагом.

Я должен был вкратце рассказать читателю, как ограбили банк. Это нужно в первую голову для того, чтобы рассеять кривотолки, приостановить поток новых и новых легенд, которые сами по себе рождали другие легенды. И еще: я изучал дело для себя. Надо, чтобы мне поверил читатель. Чтобы убедился: другой версии нет, все остальное — придуманные кем-то легенды. Легче всего обвинить охрану банка. Или безапелляционно считать, что ограбление совершили непосредственно его сотрудники. Хотя, спору нет, и охрана была виновата, и даже сотрудник банка оказался наводчиком. Однако ни охрана, ни сотрудник банка понятия не имели, как все же похищены деньги. Они многого не знали. До самого суда не знали того, о чем я день за днем узнавал в ходе расследования дела. Они не присутствовали на следственном эксперименте, как я, который в тот жаркий августовский день видел многое собственными глазами, словно свидетель преступления.

Однако все началось задолго до ограбления банка. Еще до того, как преступники на одной из своих попок узнали, где и в каком точно месте находится в банке комната-сейф.

На той попойке были троюродные братья Николай и Феликс Каланяны, обоим по двадцать семь лет. Ранее не судимы. Нигде не работающие. Присутствовал Завен Багдасян, двадцатичетырехлетний сотрудник банка, живущий по соседству с хозяйном дома, где проходила попойка, Размиком Каланяном. С фамилиями, понимаю, не сразу можно разобраться. Я уже говорил, Николай и Феликс — троюродные братья. У них деды — братья. А вот отцы Николая и Размика — родные братья. Но я постараюсь сделать все, чтобы не было ощущения семейного ребуса. Буду называть их в основном по именам.

Там, за столом, родилась идея, или, вернее, подана идея об ограблении банка. Родилась не всуе. Двадцатичетырехлетний работник банка давно уже связался с воровскими компаниями. А тут вдруг за столом заговорил о деньгах Николай, мечтающий о выгодном дельце, на которое можно было бы пойти. Завен слишком хорошо знал как способности, так и возможности Николая. Началось все еще до того, как они пьянствовали у Размика, рабочего ювелирной фабрики. Завен знал в подробностях о многих кражах Николая. Знал и о том, что тот всегда выходил сухим из воды.

Совсем недавно Николай и Феликс ночью ограбили в Армавире сберкассу. Разобрали угол стены, влезли в помещение, вскрыли сейф. В нем обнаружили шесть тысяч рублей и пистолет. Грабители (термин, повторяю, не совсем точен) выехали за город и там стали стрелять из пистолета в... птичек. Баловались? Да, наверное. Им обоим было по двадцать три года. Деньги растаяли, как снег, выпавший ненароком в мае. Требовалось подумать о новом предприятии. И вот тут пришла в голову новая идея. Двоюродный брат Николая Размик Каланян трудится не на заводе по изготовлению труб большого диаметра, а на ювелирной фабрике, хоть и чернорабочим. Сам Бог так устроил.

Операцию Николай разработал, как всегда, мастерски. Редко кто из друзей спорил с ним. Редко кто позволял себе вносить хоть какие-нибудь изменения в план. Друзья знали, что Николай учел все до мелочей. Узнав, что двор ювелирной фабрики примыкает к территории воинской части, он решил: проберутся туда в солдатской форме. Чуть ли не у каждого демобилизованного хранится дома форма, по крайней мере — несколько лет. Я уже четверть века храню дома свою флотскую бескозырку, ремень, суконку и гюйс. Так что достать форму нетрудно. Главное, знать, что и как надо делать на самом объекте, то бишь

на ювелирной фабрике. И Размику дали задание: изучить весь процесс работы. Куда вначале поступают слитки? Как они охраняются? Кем? Ясное дело, под особым контролем находится уже готовая продукция. Ведь кусочек драгоценного металла, превращенный руками золотых дел мастера в произведение искусства, становится намного дороже. Ну а слитки — они и есть слитки, обыкновенные пластинки. Не совсем, конечно, обыкновенные. Словом, золото. Но еще не драгоценные изделия. Хранятся пластинки в специальных шкафах.

«Раньше настоящие воры, — любил повторять Николай, — прежде чем отправляться на промысел, глядели на небо. Если вовсю светила луна, то они откладывали дело до новолуния или хотя бы до туманной ночи. Нынче надо выбрать выходной, или, как раньше называли, базарный день». И, верный своей формуле, он задумал ограбление ювелирной фабрики в выходной, то бишь в базарный день. Выходной день, он и для солдат выходной. Дождаться надо только, когда из города возвратится какая-нибудь группа, и, так сказать, под шумок, где-то в хвосте пробраться на территорию. А там до забора рукой подать. Парни молодые, натренированные: ничего не стоит, улучив момент, сигануть через невысокий забор. Так оно и было сделано...

...А дальше предстояло самое, может, привычное в предприятии Николая — разобрать стену. Дело трудоемкое. Раньше им занимался только сам Николай, но с тех пор, как в его жизни появился троюродный брат Феликс Калаян, — кое-что изменилось. Николай медлительный, спокойный, плотный, с покатыми, как у штангиста, плечами, мог часами сидеть неподвижно и размышлять, философствовать. Николай и не допускал, что ему в голову могут прийти бредовые идеи, никчемные мысли. Ни тогда, когда собирался ограбить ювелирную фабрику, ни тогда, когда, что называется, на полном серьезе собирался убить родного дядю, приютившего его. Убить только за то, что тот учил уму-разуму, заставлял устроиться куда-нибудь на работу. Но всякий раз племянник при жене и дочери дяди говорил, что пусть работают такие ишаки, как он, дядя. И вообще, говорил Николай, если начнется война, то первую пулю он всадит в родного дядю, который так настырно давит на его, Николая, свободу. Да еще заставляет трудиться.

Феликс был полной противоположностью Николая. Сухой, поджарый, с хорошо развитой мускулатурой. Добрая, по-детски наивная улыбка редко сходила с его лица. Податлив, как

пластилин. Николай довольно легко и быстро завоевал Феликса, поняв, что он действительно для него находка. Николай придумал ему кличку «Индеец Джо», которая должна означать, что Феликс является человеком бесстрашным, ловким. И самое главное, он сделает, непременно сделает все, что ему будет приказано. Прикажет Николай, чтобы Феликс пробил стену и пролез в дыру, можно не сомневаться: так оно и будет. Если есть у воров свой, присущий каждому почерк, то у Николая он заключался в том, чтобы пробить стену. Он ненавидел современные бетонные дома. Ничем их не возьмешь. А начнешь долбить — шуму наделаешь на всю округу. Другое дело, каменная или, того лучше, кирпичная кладка. Один за другим вытаскиваешь выдолбленные камни или кирпичи, превращенные зубилом и молотком в крошку. А много ли надо вытаскивать! Всего-то несколько штук. Главное, чтобы прошла голова. А там натренированному человеку ничего не стоит протащить и плечи, и все тело...

...Стену разбирали и на ювелирной фабрике. Стену цеха, в котором, по сообщению Размика, золотые пластинки остаются на ночь. После работы их вроде никто не взвешивает, не считает. Привыкли, что никто никогда не воровал, вот и никакой такой особой строгости. Да и каждый знал, что через проходную не протащишь и иголки. Что же касается уже готовых изделий, то там совсем другое. Никому в голову не придет тащить через проходную кольцо или подвеску, зная, что за них отчитываются конкретные люди.

Пролезли. В считанные минуты добрались до цеха, где и хранилось золото. Николай стал набирать в мешок слитки. Набрал уже больше килограмма, больше пяти, больше десяти, больше двадцати. Торопили его Феликс и Размик, а он не мог остановиться. И когда уже собирались дать деру, как-то так уж получилось, все трое одновременно увидели за окном, со стороны двора фабрики, человека, который во все глаза смотрел на них, приоткрыв рот. Лишь через секунду-другую он очухался, заорал. Николай вмиг оценил обстановку. Задержаться хотя бы на мгновение — погореть начисто. Еще неизвестно, какая здесь на фабрике сигнализация. Дал команду смываться. Но золото все-таки не бросил. Мешок с пластинками он спрятал в дымоходной трубе. Так пристроил, что вряд ли кому пришлось бы в голову искать его там. Пока единственный сторож, случайно прохаживающийся в то время по двору, поднял неистовый крик и шум, грабители успели пролезть в дыру, перепрыгнуть

через забор. И без хлопот с очередной группой солдат вышли из части...

На следующий день они узнали, что мешок с тридцатью двумя килограммами золота был найден в дымоходной трубе.

...Вечером на квартире у Размика друзья решили отметить по предложению Николая траур. Настроение у всех троих было подавленное. Феликс, обычно такой покорный, осмелился после третьей стопки упрекнуть шефа. Так называли Николая. Феликс, зардевшись не то от водки, не то от того, что все-таки осмелился пожурить самого шефа, сказал: «Можно было хотя бы несколько пластинок рассовать по карманам. А то ведь что вышло: натерпелись страху и ушли ни с чем». Николай хорошо понимал: в эту минуту в который уже раз решается судьба его авторитета. Не дай бог, еще прослывет фраером. В самом деле — оставил золото в надежде, что тем же путем можно вернуться в цех и забрать. Наивно, конечно. Разве можно дважды пройти тем же путем? А если засада? Кстати, когда Николай узнал, что мешок нашли в трубе, поиздевался про себя над милицией. Она обязана была об этом молчать. Мало того, должна была пустить слух, что золото украли, вынесли. Словом, не нашли. И тогда устроить засаду. Но она этого не сделала. И если, думал Николай, фраернулась сама милиция, так чего же себя казнить. Но все же казнился. Да еще Феликс подлил масла в огонь. Упрек его шеф воспринял спокойно. Он выпил рюмку и, не закусив, ответил:

— Впредь я прошу и тебя, и вообще всех никогда не сомневаться в правильности моих решений. Я не скажу, что в противном случае прибью тебя и каждого. Я скажу лишь, что такое сомнение помешает делу.

— Но ведь можно было хотя бы несколько пластинок... — вставил Размик, бритоголовый молодой человек с косящим левым глазом.

— Это была бы самая страшная ошибка, — спокойно сказал Николай, — нас могли задержать, скажем, в проходной, даже на территории. Ведь мы чудом прошли незамеченными. Могло бы не быть чуда...

— А что, если бы поймали? — спросил Феликс.

— Я тогда вам ничего не хотел говорить, чтобы страх не давил на вас. Хотя сам уже задумал: если поймают, мы скажем, что решили украсть гири, которые валялись на спортивной площадке. Мол, хотим организовать во дворе свою спортивную площадку для мальчишек, чтобы не хулиганили. Вот и ре-

шили достать спортивный инвентарь таким образом. Пожурили бы нас, пристыдили. Непременно сказали бы, что доброе дело нельзя совершать недобрым, нечестным путем, и отпустили бы. Ну, а если бы нас задержали и обнаружили золотые пластинки? Кто из вас может мне ответить на этот вопрос? Ты, Индеец Джо?

— Я? Да я к тому, что трудились, натерпелись.

— Или ты, Размик?.. Хотя, можешь не отвечать. И знайте, за все надо платить. И больше всего платят за свободу. Будем считать, что заплатили два пуда золота. Неплохая цена за нашу свободу — она стоит, может, больше.

...Свобода свободой, но есть нечто большее. Это великая возможность воспользоваться ею сполна. А для этого нужны деньги. Много денег. По мнению Николая, кто-то из крохоборов придумал жалкую формулу: «Деньги любят счет». Воспользоваться свободой сполна — это значит денег не считать. «Сколько я помню себя, дома только и было разговоров о деньгах, — вспоминал Николай. — Отец с матерью только об этом и говорили. Особенно невмоготу стало, когда заболел отец. Это было в Краснодаре, где я жил до шестнадцати лет. Врачи поставили диагноз: рак. Замучил нас с матерью батя. Остались кожа да кости, а он все не умирал. Жил, жадно хватая воздух, не подозревая, что мать втихую продает все, что попадает под руку, и ездит куда-то, иногда за тридевять земель, чтобы непременно достать лекарства. Правда, часто приезжали из Нинакана в Краснодар брат и другие родственники отца, помогали, но знаю одно: денег никогда не хватало. Мать давала мне вещи, утварь, чтобы я продавал их на базаре. Я продавал, но не все деньги приносил. Я видел, что они отцу не нужны. Все равно ничего ему не помогает. Весь высох и лишь нас мучает. Ну, а мать все равно деньги тратила на отца. Жили впроголодь, а больному покупала самое дорогое, самое свежее. Обо мне даже забыла. Вот я и тратил с друзьями деньги. Собственно, какие там деньги, мелочь одна. Много ли дадут за какой-то старинный женский пояс, за какие-то протертые ковры да дорожки? Мать говорила, что эти вещи нам достались от моей бабушки, от матери отца. А той, мол, от прабабушки. От этих подарков ничего и не сохранилось. Все пошло на отца, которого так и не удалось спасти».

После смерти отца шестнадцатилетний Николай бросил школу. Сутками не ночевал дома. Мать вся извелась. Она знала, что сын ворует из дома вещи и продает. Завел себе дружков,

с которыми пил водку. Написала письмо в Нинакан брату покойного мужа, расписала все как есть, дала понять, что сын стал просто-напросто неуправляем. Просила, чтобы забрали его к себе. Нужен, как говорится, мужской глаз. Пристроить бы юношу в вечернюю школу, на работу. Жалко парня. Смешливый, даже толковый, любит читать книги, но неуправляем. Дело кончится плохо. Приехал дядя Амаяк из Нинакана, забрал шестнадцатилетнего племянника к себе. Приодел, устроил в десятый класс вечерней школы. Присмотрелся, решил разузнать, к чему душа лежит у парня. А тот на третий день избил до полусмерти мужа своей двоюродной сестры. Когда же сестра пристыдила его, он поднял руку и на нее. С тех пор перестал разговаривать с ней. А через некоторое время сказал дяде то, что читателю уже известно: всадил бы пулю ему первому. Сказал только потому, что тот хотел устроить его на работу, считая: свой хлеб насущный надо зарабатывать в поте лица и честным путем. Николай понимал, что оставаться в доме дяди не может.

Траурный вечер по случаю неудавшегося ограбления ювелирной фабрики закончился в прямом смысле слова под столом. Все трое от перевозбуждения напились и, словно по команде, одновременно отключились. На следующее утро Размик оставил друзей спящими и отправился на работу. Николай и Феликс, может, спали бы еще, если бы в дверь не постучали.

— Джо, открой дверь, — сказал Николай.

— Голова трещит. Открой ты.

— Ты наглеешь, Джо.

— Это ты наглеешь.

— Какая тебя муха укусила? — спросил Николай, и сам пошел открывать дверь.

В гости к друзьям спозаранку пришел Сема — Кяж. Рыжеволосый парень, которому едва исполнилось восемнадцать. Семен Хлебников с самого начала признал в Николае кумира, за которым можно себя чувствовать как за каменной стеной. Когда Николай рассказывал Хлебникову об ограблении армавирской сберкассы, то ловил себя на мысли, что того завидки берут, надо же выйти целехонькими из сберкассы с уймой денег, да в придачу с пистолетом! И вот сам Николай Каланян дал команду Кяжу подыскать какой-нибудь объект, куда можно пробраться сквозь стену. Двое суток юноша бродил по городу в поисках такого объекта, пока не набрел на магазин, в котором продают магнитофоны. Рядом с памятником архитектору.

— Проходи, Кяж, — сказал Николай, закрывая за ним дверь, — тут Индеец Джо требует поменять прозвище.

— Ничего я не требую, — сказал Фелпкс.

— Как же требуешь? Требуешь. Разве может настоящий Индеец Джо своему шефу сказать: «Ты наглеешь».

— Тебе-то что? Ты холост. А у меня в Нинакане жена, ребенок. Я надеялся на тебя и сказал, что еду на шабашку. Вот же нищешь и узнаешь, каково это, когда мужик возвращается домой без денег.

— Чего тут спорить? — вставил Хлебников. — Каждый магнитофон стоит не меньше тысячи. Все они, небось, импортные. А взять можно столько, сколько сил хватит.

— Ты это о чем, Кяж? — спросил Николай.

— Я твое поручение выполнил. Нашел, как ты сказал, «объект». Стена — каменная кладка. Угол выходит в проулок. Ни единой души. Вставайте лучше, пойдем на разведку.

— Вот видишь, Индеец Джо. Я же говорил, что Кяж — настоящий мужчина, а ты... — Николай с размаху ударил кулаком сидящего на кровати Феликса.

Наверное, еще должен родиться писатель, который опишет наш вечерний город. Может, он первые свои очерки напечатает в газете «Вечерний город». Он разный, если смотреть на него вечером с вершины священного холма или со склона Зеленой горы. Но, наверное, редко кто знает, как отличается вечерний город от ночного. Вечером огней больше, особенно за счет фар автомашин. Ночью — тихий мерцающий свет. И где-то мчащийся красный огонек. Это — тормозная фара автомобиля. Николай и Семен прохаживались недалеко от памятника архитектору, вглядываясь в... тишину ночного города, пока Феликс бесшумно разбирал стену радиомагазина, в котором продавали магнитофоны. Феликс трудился примерно полтора часа. Как и было условлено, закончив работу, он без сигнала сам вышел на улицу. Медленно подошел к родничку, который тихо журчал у памятника архитектору, попил воды и так же медленно вернулся назад. Теперь уже он стоял на часах, или, как сам выразился бы, на атасе. Вскоре Николай и Семен появились из темноты, неся на плечах по огромному мешку. Дойдя до родничка, поставили на краю тротуара. Чуть погодя Феликс притащил огромную, как арба, двухколесную тачку, на которой громоздились несколько мешков с хлебными отходами. Мешки были точно такие же, как и с магнитофонами.

По всему городу они ташили за собой тачку. Феликс и Семен не раз хотели остановить попутную машину, но всякий раз Николай строго запрещал. Ему нужно было доказать своим общникам, что каждая деталь в разработанном им плане имеет особое значение. И когда у центрального рынка их остановила милицейская патрульная служба, Николай спокойно сказал двум молодым милиционерам:

— По поручению райкома комсомола мы всю ночь собирали хлебные отходы. Еле стоим на ногах. Оставляем эти мешки под вашу охрану, а сами отправляемся спать. Завтра, если можно, притащите тележку к зданию Орджоникидзеовского райкома комсомола. Оттуда на грузовиках хлебные отходы должны отвезти в подшефный колхоз.

Один из милиционеров, слушая Николая, невольно пощупал мешки, от которых пахло прокисшим хлебом, и виновато сказал:

— Нет уж, ребята! Сделали доброе дело, так доведите его до конца. Мы должны проверять объекты.

— Так ведь и мы идем с объекта, — с каким-то ухарством сказал Николай. — Помогите хоть довести до здания райкома, — добавил он, — можно ведь привязать нашу колымагу к вашему «Москвичу».

Так и сделали. Дом, в котором жил Размик Калаян, находился рядом со зданием райкома комсомола. Мешки с магнитофонами были переташены в сарай, где хранились старые, никому в наши дни не нужные вещи: примусы и железные кровати, ветхие чемоданы и всякая утварь. Мешки хорошо разместились под железной ржавой кроватью. Прикрыли их рваными туфлями, бидонами из-под краски, пустыми мешками из-под картошки. Лишь под утро легли спать. Николай перед сном сказал:

— Завтра разным транспортом добираться до магазина. Лишь после этого я решу, как быть с магнитофонами. Думаю, что сможем реализовать их лишь через неделю, не раньше.

Но Николай ошибся. Бояться ему было нечего. Когда они к назначенному часу объявились у магазина, то там ничего такого, чего можно было ожидать, и не было. Тишь да покой, даже дыра в стене исчезла. Грабители не поверили собственным глазам. Подошли поближе к магазину.

— Интересно, — вымолвил едва слышно Феликс.

— Они, наверное, были здесь рано утром, — сказал Семен.

— Кто они? — спросил Николай.

- Как кто? Милиция.
- Никакой милиции здесь не было.
- Как так?
- Очень просто. Зачем советской милиции нужна дубинка?
- Какая еще дубинка?
- Обыкновенная. Ведь мы взяли «маги», а не какие-то там «Сони». Мы украли дубинку у вора. Вор у вора...

Николай потом не раз вспомнит, как в тот день Феликс, получивший утром неожиданный нокаутирующий удар в челюсть, сам лез извиняться перед шефом. Тогда же Феликс сказал при друзьях:

— Странно все как-то выходит. Я чуть ли не вдвое сильнее тебя. По крайней мере, подтягиваюсь на одной руке, а ты едва можешь гирию приподнять. И вдруг ты съездил мне по роже, а я — ни слова.

— Ничего странного в этом нет, — сказал Николай скорее в назидание другим, нежели Феликсу, — кулаками дерутся на ринге профессиональные боксеры. А в жизни все иначе. В жизни побеждает не тот, у кого мощные кулаки, а тот, у кого дух посильнее. Что же касается того, что ты подтягиваешься на одной руке, то могу заверить, когда-нибудь это нам пригодится.

Итак, на квартире Размика Калаяна подвыпившие друзья гадали-рядили, где бы достать денег. От магнитофонов, так уж получилось, больше было хлопот. Около двадцати штук продали, и все — по дешевке. Такова была установка Николая. Правда, он был уверен, что никто не ищет магнитофоны. Можно спокойно сдавать их даже в комиссионный магазин. Но все же это какой-то, как сам выразился, неловкий товар. Можно погореть в процессе продажи. И вообще: торговать — это недостойное настоящего вора дело. Так считал Николай. Большого стыда нет, когда товар сбывают разом, оптом. Но где найдешь такого покупателя? Все же ворованные магнитофоны дали немалый доход. По распоряжению Николая две тысячи рублей сразу же отправили в Нинакан семье Индейца Джо. Причем Феликс в который уже раз поймал себя на мысли, что Николай — гений. С такой легкостью решил проблему доставки денег, что Феликс не то от умиления, не то от счастья прослезился. Долго гадали, как и каким образом отправить деньги. Феликс решил — почтой. Так делают все шабашники. Правда, шабашники шлют их откуда-то из Алтайского края

или Барнаула, а тут — из южного города. Жена могла заподозрить неладное. Слишком уж подозрительный обратный адрес. Для родных и близких они — в далеких краях занимаются отходничеством. И вдруг деньги из южного города. Вот тут-то Николай и решил запросто эту многотрудную задачу. Деньги доставит в Нинакан Сема Хлебников. Даром что его зовут Кяж, то бишь Рыжий. Он, мол, по делам выехал из Алтайского края (или Барнаула) и по просьбе шабашника Феликса Калаяна взялся доставить пакет. Почему доверил? Ведь как-никак деньги. А очень просто. Работают в одной бригаде. Все вещи Хлебникова, словно залог, находятся там, где сейчас бригада, в которой вкалывает Феликс, строит коровник. А для пушей важности можно показать случайно оказавшуюся в кармане фотографию. Ну и, конечно, платок для жены, игрушку для ребеночка...

Кяж вернулся из Нинакана. Вечером компания пила. Путешественник рассказывал, как рыдала жена Индейца Джо и как она, не переставая плакать, завернула в бумагу пару теплых носков для мужа. Однако не все же время тратить на потеху! Нужно делом заняться. Или, как всегда говорил Николай, «нужны новые деньги». На магнитофонах заработали около пятнадцати тысяч рублей. Но они растаяли, словно мешок соли, оброненный в реку. Всего один раз съездили в Москву и вернулись оттуда уже без копейки. Правда, приобрели кое-что. Феликс купил себе костюм. Кяж — куртку. А Николай — любовь. И имя у нее было соответствующее: Любовь Кузнецова. Блондинка, двадцати трех лет. Замужем. Муж в настоящее время, будем точнее, в то время, находился в местах не столь отдаленных. Познакомился Николай и с братом Любы — московским таксистом Вадимом Кузнецовым. Всего на год старше сестры. Светлый, с пшеничными усиками.

Все осталось позади, в Москве. Все кончилось вместе с деньгами. И теперь нужны «новые деньги».

— А чего гадать? — неожиданно громко заговорил Завен Багдасян. Как уже сказано, это был двадцатичетырехлетний парень, с короткой прической, с выступающим, как у боксера (так обычно считают), подбородком.

— У тебя есть предложение? — спросил Николай.

— Банк.

Компания словно по команде расхохоталась. Смеялись долго. Не изменился в лице лишь Завен. Он дождался, пока собутельники поутихли, и, стараясь быть спокойным, сказал:

— Никто из вас не знает, что такое психологический барьер. Так и умерли бы, не узнав, если бы не я.

— Я слышал, ты пишешь диссертацию? — спросил Николай.

— Да. Но там нет ни слова о психологическом барьере, который никто не хочет перейти. Все почему-то уверены, что банк брать нельзя.

— Что ты имеешь в виду под словом «брат»? — спросил Николай, перебивая шушукующихся дружков. Николай всегда скрывал от самого себя невесть откуда взявшуюся неприязнь к этому парню, с которым якшался только потому, что тот был соседом Размика и, вольно или невольно, приходилось часто встречаться. Причин для неприязни никаких. Может, он, Николай, чувствовал, что этот парень не одного с ним поля ягода. Окончил народно-хозяйственный институт. Сразу же устроился на работу в банк. Ходит и всюду хвастается, что собирает материал для диссертации. Носится с непонятной для простого смертного идеей, что можно не только государственным предприятиям через банк планировать закупку того или иного оборудования, но и частным лицам — через сберкассу заказывать тот или иной товар. Например, товары, которые проходят под «дефицит».

— «Брат?» Это значит брать деньги, — ответил Завен на недоуменный вопрос Николая.

— Ну, «брат» — это значит напасть и захватить. А у меня, да будет тебе известно, другие принципы. Меня в Краснодаре один дядька, тогда я еще был пацаном, прозвал лазером.

— А это еще почему? — спросил Феликс.

— Есть такие лучи. Стену пробивают. Вот почему меня и прозвали. Сейчас у нас есть более совершенный лазер — это Индеец Джо. А брат банк, идти на вооруженное ограбление — это не по мне. И потом, ведь это — банк! Не какая-нибудь там касса или даже сберкасса.

— А я не предлагаю идти на вооруженное нападение. Все намного проще.

— Это же банк!

— Знаю. Как-никак я там работаю, а не ты.

— Там же сейфы, сигнализация, охрана, наконец.

— Все верно. Стены — броня. Двери — попробуй дотронься.

— Ты издеваешься?

— Нисколько. А вот потолок... обыкновенный потолок. Тоненькая бетонная плита. Тридцатых годов. Если не ногтем,

то простым сверлом — запросто можно ковырнуть. Это же твой метод. Через стену. Только на сей раз стена не вертикальная, а горизонтальная.

— А как оказаться на потолке?

— Это уже решай сам. Могу сказать, что над комнатой-сейфом находится, как у нас называют, музыкальная комната.

— Что за музыкальная комната? — вмешался в разговор Феликс и осекся под строгим и злым взглядом Николая.

— Обыкновенная. Там собираются работники, отдыхают, иногда веселятся. Сейчас там хранятся музыкальные инструменты.

— Мне непонятно. Деньги хранятся не в подвале?

— В том-то и дело. На втором этаже. А музыкальная комната на третьем.

— Пошутили, и хватит. Меняем тему, — сказал Николай. — Банк не для нас.

— Именно для вас. Я тебе все покажу. При успешной операции... сорок тысяч мои.

— Никакой операции, — перебил его Николай. — Сказано — забыто. Пусть твой психологический барьер перейдет кто-то другой. Я — капитан дворовой футбольной команды. И играть в высшей лиге мы не можем. Дыхание не то. Ищите что-то другое. Ювелирные магазины, например. Посмотрите, где и в каком месте есть слабинка в стене. Нынче ведь умники из охраны приклеивают какие-то элементы на стекла окон и дверей. Смотришь, словно огромные тараканы ползают по ним. Кто из них задумается над стеной? Никто. Вот и будем брать стены приступом. Ищите.

— И все-таки подумай над моим предложением, — заключил Багдасян.

— Я уже вынес решение — забыто. Если еще раз повторишь, пеняй на себя.

С раннего утра банковский переулок, как называли горожане часть улицы Шаумяна, был оцеплен милицией. Следственная машина, на которой ехали следователи прокуратуры Самсон Асатрян, Вардан Хачатрян и я, не без труда добралась до банка. Десятки, если не сотни раз проходил мимо банка, и ни разу мне в голову не приходило рассматривать здание, приглядываться к фасаду, посчитать, сколько этажей. Никогда не знал, что к зданию банка примыкает жилой дом. И вот теперь я изучаю архитектуру, как говорят мои друзья-следователи, «объекта», чтобы представить, как все было на самом деле. К зданию подъезжают

все новые и новые машины. Из них выходят незнакомые мне люди. Кто в штатском, кто в военном, кто в милицейском. Они обязаны обеспечить полную безопасность при проведении следственного эксперимента. С минуты на минуту должна подкатить при соотвествующем эскорте машина с двумя преступниками. Простите (опять термин), с двумя подозреваемыми в ограблении банка. С Николаем и Феликсом Каланянами.

— Неужели ты думаешь, что они могут удрать, — обратился я к Самсону, — или их могут выкрасть, что ли?

Асатрян пожал своими могучими плечами и сказал:

— Предосторожность не помешает. Мало ли что может быть. Никто ведь не верил, что могут, так сказать, руку поднять на банк. Вот и теперь. Кто его знает, может, кто-то что-то уже задумал. Ребят привезут, правда, в наручниках. Полная машина вооруженной охраны.

— И что вы должны делать?

— Снимать на пленку все, как было. Суренян предупредил: особое внимание уделять тому, чтобы подозреваемые добровольно показывали рукой на ту или иную деталь: на дверь, на окно, на любой нужный следствию и впоследствии суду предмет. А эти самые ребята в наручниках.

— Ничего, можно показать на предмет и в наручниках.

— Скажите, Самсон, тут толпа собралась, словно на свадьбу. И все, я вижу, при регалиях, подтянутые, есть среди них и важные птицы. Кто же нынче самый главный? Кто, так сказать, командует парадом?

— Я и Вардан...

Услышав свое имя, стоявший чуть поодаль Вардан Хачатрян повернулся к нам и, глядя сквозь толстые стекла роговых очков, спросил:

— О чем вы шепчетесь?

— Тут возник вопрос, — сказал Самсон улыбаясь, — кто в этой ситуации из всех важных птиц самая важная?

— Конечно я, — нашелся Вардан.

— Разумеется, только и только ты.

— Ну и ты немного. Разве без нашей команды может здесь кто-нибудь хоть шаг сделать?

— Ну, и я, как примкнувший, тоже не последняя птица. Как-никак мы вместе, — пошутил я.

— Вы, — сказал Самсон, — если призадуматься, самая важная из самых важных птиц. Наши тома рано или поздно уйдут в архив. И рано или поздно все забудут об ограблении...

— Вряд ли забудут, — сказал долговязый Хачатрян.

— Тем хуже, если не забудут. Тогда будут из уст в уста передавать всякие небылицы. Поэтому в нашем деле писатель — самая главная фигура. Расскажет все, как было, и, глядишь, никому уже не захочется из грабителей делать героев или несчастных парней, которые, видите ли, так хорошо сработали, но так по-глупому погорели. А то, что их поймали-таки, накрыли, — об этом забудут. Словно они сами пришли с повинной. — Самсон посмотрел на часы и добавил: — Однако задерживаются.

— Судя по тому, как засуетились работники ГАИ, — сказал я, — уже едут.

— А вот и они, — сказал Хачатрян, — четыре глаза все-таки лучше, чем два.

— Главное, больше, — сказал Асатрян и подозвал к себе одного из тех, кто мне казался действительно важной птицей.

Я был порядком удивлен, когда подошедший встал навывтяжку, выслушал распоряжение Асатряна и, четко повернувшись, побежал выполнять команду

— О чем вы ему говорили? — спросил я.

— Я сказал, что начинаем эксперимент с соседнего жилого дома. Именно оттуда, откуда Феликс начал свой ночной поход.

Свой «поход» Феликс начал не с примыкающего к банку дома. Месяца через два после пьяного разговора на квартире у Размика Калаяна Завен Багдасян неожиданно увидел в помещении банка Николая и Феликса. Время было послеобеденное, когда охраны у проходной нет и в банк может войти любой человек. И именно в это время Николай и Феликс спокойно прошли на третий этаж. Багдасян стал наблюдать за ними. Он не мог не обратить внимания на то, что друзья остановились именно у той двери, о которой он говорил. Николай то и дело подходил к зарешеченному окну, рассматривал двор, шагал по коридору, словно считал количество дверей. И когда они вновь подошли к двери музкомнаты, откуда ни возьмись перед ними вырос, будто проявился на фото пленке, Завен.

— Все-таки решились? — спросил он.

— Да, решились, — ответил Николай, — решили здесь дождаться товарища. Договорились с ним.

— Неплохое место для свидания. Но я вам не сказал самого главного. Как откроете дверь, сделайте два шага прямо и шаг влево. И — сверлите.

— Не понимаю, о чем ты говоришь! — сказал Николай и за-спешил по коридору. За ним поплелся Феликс.

Они вышли на улицу. Перешли через дорогу к скверу, где журчало великое множество фонтанчиков. Феликс предложил сесть в тени на скамейке и обмозговать.

— Я знаю, о чем ты думаешь, шеф.

— Ошибаешься. Это ты думаешь, что надо убрать Завена.

— Я в своей жизни не раздавил даже муравья.

— А я давил. Людей давил. Не до смерти, но до полусмер-ти — это точно. И не раз.

— А говоришь, я ошибаюсь, — сказал Феликс.

— Ошибаешься. Давить его не будем.

— А что будем?

— Ничего не будем. Пачкать руки о мразь нельзя.

— Почему он мразь?

— Придет время — я тебе объясню. А пока надо купить тет-радь и карандаш. Нет, лучше — альбом для рисования.

— А это еще зачем?

— Рисовать будем...

И каждый день Николай, чаще всего без компаньона, приходил в банковский переулочек с альбомом и карандашом в руках. Часами следил за тем, как передвигается наружная охрана. Когда и куда подъезжают инкассаторские машины. В какое время выходит последний служащий, во сколько опечатывается решетчатая дверь главного прохода. Несколько ночей напролет Николай и Феликс провели в сквере, прохаживаясь вдоль бесчисленных рядов фонтанов. Ни одно окно трехэтажного здания ночью не горело. Вскоре Нико-лай убедился, что, собственно, никакой внутренней охраны и нет. Где-то там во дворе появляется иногда милиционер, а вот в самом здании — ни души. «Наверное, правильно, — рассуждал он, — что делать охране внутри, когда и без того все закрыто и сигнализация включена? Да и потом, внутрь можно пройти только через наружные ходы. По стене не пролезешь. Через крышу — невозможно. Форточек откры-тых нет. Да и были бы — что с того, человек не птица. Опять остается самая невероятная стена. Но это ведь не какая-ни-будь провинциальная сберкасса и не какой-нибудь радио-магазин, где продают импортные магнитофоны. Это — банк. Вот стена и охраняется. И стена, выходящая на улицу, и сте-на, выходящая во двор. Но у каждого дома обычно четыре стены. Третья тоже выходит на улицу, вернее, в переулочек.

А четвертая? Как уже хорошо знает читатель, к четвертой примыкает жилой дом. Разумеется, у двух зданий — не обшая смежная стена. Это значит — пробить придется не одну стену, а две. Сначала чердачную. Она не несущая — перегородка и только. Но все же и там положен камень на камень. Не так, как кладут при возведении несущей стены, и цемент не тот, и подгонка. И все же — стена. Но главное, есть где подступиться. Продырявил обе стены — и выходи прямо в коридор третьего этажа. Тот самый этаж, где находится музкомната. Или, как еще назвал наводчик Багдасян, комната отдыха. Не все, наверное, знают, что комната для отдыха нужна банковским работникам. Работа не просто сидячая, не просто монотонная, она требует предельного внимания, напряжения. И такая комната для снятия напряжения, стресса очень нужна.

Итак, точно определено место, где Индеец Джо должен пробить сначала стену-перегородку чердака, а потом и капитальную стену третьего этажа банка.

Уже через некоторое время мы почувствовали, что задыхаемся под раскаленной крышей чердака. Воздух как в парной в летнюю пору. Но самое, я бы сказал, нелепое то, что там было темно. Выходило, зря тащились вверх. Зря один за другим поднялись на чердак по отвесной лесенке, приставленной к грязной, покрытой паутиной стене. Главная цель — снять кадры на пленку. А там тьма, ни зги не видно. Оказавшийся в какой-то миг рядом со мной Самсон тихо сказал:

— Я сам виноват. Должен был заранее все посмотреть, предусмотреть. А теперь нужна переноска. Потеряем уйму времени.

Подошел в темноте Вардан. Он предложил открыть слуховое отверстие на крыше, пробраться оператору наверх и снять оттуда хотя бы один кадр.

— Нет, два кадра, — поправился он, — пусть Феликс покажет рукой куда-то в глубь чердака. Этого достаточно. И второй кадр: пусть пролезает через слуховое отверстие.

Я в диалог специалистов не влезал. Видел, как накаляется обстановка. Служба охраны, исходящая потом, начала ворчать. Мол, притащили их сюда, а сами теперь гадают, как быть. Не знают, чего хотят. По правде говоря, я сам не очень понимал, что даст, скажем, первый кадр: Феликс показывает рукой куда-то в глубь темного чердака. Лишь потом я узнал, что Вардан

Хачатрян был, конечно, прав. Преступник начал долбить стену на чердаке, но вскоре прекратил это занятие. Он начал, но не продолжил.

К началу июля у Николая было все готово. Феликс был пока не в курсе подробностей «ночного похода». Обо всем, решил Николай, расскажет лишь тогда, когда точно для себя установит день. Он должен быть оптимальным. Скорее всего во второй половине июля или первой половине августа. Именно в это время большинство людей находится в отпуске. Это должен быть не любой день недели, а обязательно — с пятницы на субботу. Ибо в субботу и воскресенье учреждения не работают. Значит, в запасе будут два дня. И они нужны не только для того, чтобы выиграть время, скрыться, пока очухаются. Запас нужен для страховки: если в первый день по какой-либо причине дело сорвется, повторить «ночной поход» через сутки. Таким днем на календаре оказалось двадцать второе июля, пятница. Николай решил поведать об оптимальном дне Индейцу Джо за городом. Никто из друзей не должен ничего знать. Даже те, кто верой и правдой служили шефу, кто не раз ходил с ним на дело и показал себя. И не случайно он решил поведать Феликсу о выбранном дне за пределами большого города, который, как известно, имеет и уши, и глаза...

Поздно вечером Николай и Феликс возвращались с пикника на попутной машине. Каждая минута приближала их к тому дню, который был назван в конспиративной обстановке. Друзья решили отметить событие, выпили изрядно. Слишком возбужденным был в тот день Николай, который редко раскрывал даже перед близкими людьми свои истинные чувства. Устроились они на заднем сиденье, пели, смеялись. Николай, то и дело подмигивая своему попутчику, пальцем выводил на стекле две двойки. И одно только это приводило в восторг обоих. Цифра «двадцать два» их умиляла. Настроение пассажиров передалось постепенно водителю, который хохотал вместе с ними, ничуть не догадываясь о причине веселья. И может, на какое-то мгновение он слишком увлекся своими пассажирами, не заметил, как машина с горящими фарами несется на бешеной скорости навстречу. Водитель взял вправо, да, видимо, слишком резко. Машина тотчас же сошла с асфальта, задержалась на ухабах и, ударившись с грохотом о столб, перевернулась набок.

Николай очнулся в районной больнице. Проснулся от сильной боли в спине. Рядом находились врач и сестра.

— Что с Феликсом? — спросил он громко, морщась от боли.

— А кто такой Феликс? — ответил вопросом на вопрос врач.

— Брат мой. Мы ехали вместе.

— Он был за рулем?

— Нет. Мы сидели сзади.

— Царапины. Он ждет в коридоре. А почему не спросишь про водителя?

— А что с ним? — с нескрываемым безразличием спросил Николай.

— Погиб. На месте. Вместе гуляли?

— Чего вы пристали ко мне? — неожиданно заорал Николай.

— Успокойся, парень. Считаю, тебя с того света вернули. А ты тут...

— Больно мне. А водитель подонок...

— Он погиб.

— И поделом. Водить надо уметь.

— Он не был виноват.

— Раз я попал в беду, значит виноват.

— Он погиб.

— А может, я тоже погиб.

— Возьми себя в руки. У тебя все в порядке. Рваная рана на спине, кости целы. Через четыре недели, от силы пять выпишешься. Рана, к сожалению, глубокая.

— Если можно, пропустите ко мне Феликса.

— Хорошо. Только ты возьми себя в руки.

Феликс вошел в палату в накинутом на плечи халате. Подошел к койке Николая, который молча и со злобой смотрел в потолок, и тихо сказал:

— Как ты?

— Глупых вопросов не задавай. Сейчас же езжай в город. Найди Карине и привези сюда.

— А зачем она тебе в таком-то состоянии?

— Не остри, Индеец Джо. У нее отец какая-то шишка в медицине. Скажи, пусть устроит так, чтобы меня перевели в город, в другую больницу.

— Ты же не выдержишь дороги. Я сам видел, на спине нет живого места.

- А чего меня положили на спину?
- А ты, можно сказать, не лежишь. Сидишь с запрокинутой головой.
- Вот так и сяду с запрокинутой головой в городской больнице. Дело переносится ровно на две недели. На пятое августа. В пятницу.
- Ты же к тому времени не встанешь на ноги. Осталось три недели, — сказал Феликс, улыбаясь.
- Не скаль зубы.
- Зубы могу не показывать, но ты к пятому августа не сможешь.
- А мне и не надо быть рядом. Я тебе только мешать буду.
- Это ты сейчас придумал?
- Давно.
- А я думал, сейчас. После аварии. Думаю, может, ты того...
- Отец мой умирал... Я ему как-то нагрубил. Так знаешь, что он мне сказал?
- Что?
- Он сказал, что каким бы мертвым ни был верблюд, только шкуры его хватит на целую поклажу для ишака. Ты понял, что хотел сказать мой отец?
- Понял.
- Пойми, Феликс. Я разработаю все по нотам. Тебе придется только сделать так, как я предусмотрел. А для этого я должен быть в городе. Только оттуда можно будет руководить делом. Судя по всему, до пятого меня не выпишут. Рана глубокая.
- Хорошо, я скажу Карине. Только не делай так, чтобы я чувствовал себя действительно ишаком. Ты давишь на меня. Ну, скажи, зачем привозить сюда Карине? Я ей объясню, и она сделает. Узнает, что это нужно тебе, вмиг сделает.
- Я не давил на тебя, Индеец Джо. Я не виноват, что ты сам выбираешь себе роль осла. Когда девушка навещает больного, то никому и в голову не придет дурная мысль. Глядишь, потом понадобится ее визит.
- Ничего себе девушка. Ребенок вымахал с нее ростом.
- Приведи сюда Карине, — сказал Николай, едва сдерживая боль.
- Приведу, только потерпи. Будем считать, что еще повезло.
- Тебе повезло.
- Зачем ты так?

— Не бери в голову. Вон, говорят, водитель погиб. Олух... Все поворачивался к нам и хохотал, словно знал, о чем мы ржем. Наказал себя и нас, как видишь.

...Ровно неделю пролежал Николай в районной больнице. И всю неделю, каждый день навещали его Феликс и Карине. Три года назад Николай познакомился с Карине в доме у Семы Хлебникова. Там и узнал, что она соседка Хлебникова. Была замужем, имеет пятилетнюю девчонку. Муж, вопреки протестам тестя-профессора, уехал шабашить и не вернулся. До нее дошли слухи, что он сошелся с другой, обзавелся новой семьей. По другим слухам, он спился. Небольшого роста, Карине никак не походила на молодую мать, да еще брошенную жену. Скорее — невеста на выданье. Тонкая, хрупкая, с темными раскосыми глазами. Одевалась модно. Николаю она понравилась сразу. Это было в те дни, когда после реализации магнитофонов, перед самой поездкой в Москву, он не знал, в каком кармане сколько денег. Тратил их без оглядки, с размахом. На первое же свиданье с Карине купил ей браслет за тысячу двести рублей. Услышав ироническую притчу о том, что иной человек, уронив в темноте пятак, зажигает сотенную, чтобы при свете найти монету, Николай нарочно ронял какую-нибудь безделушку, зажигал при всех сотенную и освещал комнату. Сам, конечно, не лез искать. Он только освещал. И это нравилось Карине. Как-то она спросила Николая, где он работает, откуда у него деньги. Николай ответил витиевато: где-то, в каком-то институте. Однако деньги в основном зарабатывает карточной игрой, в которой якобы нет ему равных.

Через неделю Николая перевезли в город, в больницу «скорой помощи». Отец Карине помог. Он даже устроил ему одноместную палату. Но этого было мало. Николай попросил, чтобы окно выходило во двор больницы, куда заезжают обычно машины сотрудников. На вопрос Карине: «Зачем тебе это?», он ответил: «Без запаха бензина не могу заснуть».

В один из визитов Феликса Николай передал список вещей, которые тот должен достать в ближайшие дни. Передавая листок, он приказал ознакомиться со списком дома. И Индеец Джо не осмелился до возвращения домой развернуть свернутую вчетверо бумагу. Долго он знакомился с перечнем предметов, многие из которых вызывали у него недоумение. Складной лом. Да такой, чтобы складывался втрое и чтобы диаметр был три сантиметра. Полдюжины сверл десяти-одиннадцатимиллиметровых с победитовыми наконечниками. Фонарь. Пер-

чатки. Коловорот. Ножовка. Несколько полотен для ножовки. Зубила. Молоток. Детский зонтик.

Больше всего Феликса удивил этот самый детский зонтик. Злился на собственное тугодумие. Никак не мог понять, для чего ему в их предприятии нужен зонтик, да еще детский? И, может, от того, что никак не мог догадаться, первым делом решил достать зонтик. Но каково было его удивление, когда выяснилось, что детских зонтиков в продаже нет. В южном солнечном городе, треть населения которого составляли дети, невозможно приобрести детский зонтик. «Бывает иногда, — говорили молоденькие продавщицы, — случается, подбросят. Когда будут? Наверное, зимой». Остальные предметы Феликс достал в течение одного дня за исключением складного лома и победитовых сверл. Одну запись он не смог разобрать, как ни мучился.

...В палате Николая не оказалось. Кто-то из больных сказал, что он на перевязке. Накануне швы сняли, а теперь делают первую перевязку. Феликс обратил внимание, что в углу палаты приставлены к стене несколько кульков с фруктами. Значит, кто-то навещал и — холил, подумал он. Феликса удивило, что как-то пришли к шефу после десяти вечера он и Карине. Ушли из больницы ровно в десять, когда Николай включил крохотный телевизор, чтобы посмотреть программу «Время».

Дверь неожиданно резко открылась. На пороге показался скрюченный, согнутый в три погибели Николай. Феликс бросился ему навстречу.

— Не надо, я сам, — тихо сказал Николай.

— Очень больно? — спросил Феликс.

— Терпимо. Выпрямиться не могу. Стягивает. Кожа на спине сморщилась. Помоги лечь на койку.

Феликс услужливо, но неуклюже взялся подсобить другу. Взираясь на койку, Николай спросил, пользуясь моментом, когда никого не было в палате:

— Все достал?

— Нет, не все.

— Почему? — строго спросил Николай, устраиваясь на боку.

— Ты же сам говорил: в ближайшие дни.

— Но можно же было сделать мне приятное: перевыполнить план.

— Я и так старался. Но нигде нет детского зонтика. И потом я совершенно не понимаю, зачем нужен этот зонтик?

- Потом объясню. Что еще не достал?
  - Складной лом. Сегодня обещали.
  - Еще что?
  - Еще я никак не мог разобрать твой почерк. Там слишком много написано. Только цифру понял: шестьдесят сантиметров.
  - Надо будет достать веревку, крепкую, как трос. Тебе понадобится не менее четырех с половиной метров. Но лучше с большим запасом. Через каждые шестьдесят сантиметров сдлаешь массивный узел. Чтобы легче подниматься и держаться на ходу. Я надеюсь, ты продолжаешь тренироваться?
  - Непременно. В тот день пошел на спортивную площадку. Три раза подтянулся на одной руке.
  - Теперь понял, что я был прав, когда говорил: это тебе пригодится?
  - Понял.
  - Что еще делаешь?
  - По канату взбираюсь до самой балки, трижды, подряд.
  - С грузом?
  - Саквояж висит у меня на шее.
  - Сколько он весит?
  - Не знаю, набит песком и камнями.
  - Надо взвесить как-нибудь. Придется поднять до тридцати килограммов. Я уже рассчитал,
  - И все-таки для чего зонтик? — спросил Феликс, терзаясь в догадках.
- Дверь открылась без стука. В палату весело, с шумом вошла Карине. Пристроила кулек рядом с другими в углу. Подошла к Николаю и поцеловала его в щеку.
- Кара, — обратился к ней Николай, — тут старуха, которая убирает палату... Добрая такая старушка...
  - Знаю я ее. В тот день пятирублевку сунула ей в карман.
  - Так вот. Она попросила достать для внучки детский зонтик. У тебя, небось, в детских игрушках завалился. Принеси.
  - Хорошо, я спрошу старушку.
  - Я тебе запрещаю это делать.
  - Я просто спрошу, может, ей еще что надо.
  - Я сказал, — повысил голос Николай.
  - Хорошо-хорошо, успокойся. Подумаешь, делов-то — детский зонтик.
  - А кто у тебя был? — влез в разговор Феликс.
  - Завен, Размик и Кяж.
  - Что говорил Завен?

— А что он мог сказать? На работе у них ремонт. Они собираются осенью провожать Кяжа в армию. Все сроки уже у парня вышли. Его одноклассники уже давно демобилизовались, а он только собирается.

— Какой еще ремонт? — громко, не скрывая волнения, спросил Феликс.

— Когда твой отец вернется из отпуска? — обратился Николай к Карине, откровенно презрев вопрос Феликса, давая понять, что надо думать, прежде чем задавать вопросы.

— Как все профессора, — сказала Карине, — первого сентября должен быть в своей клинике. Студенты...

— А чего ты, дочь профессора медицины, не стала врачом? Говорят, целое состояние надо заплатить, чтобы поступить в мединститут.

— А ты угадал. Я поступала.

— Не поступила?

— Поступила.

— И что?

— Проучилась девятнадцать дней.

— Выгнали?

— Сама ушла. На девятнадцатый день повели нас в анатомичку. На столах лежат трупы. Голые.

— Постеснялась?

— Очень. Такие голые, тихие. Мужчины, женщины, даже дети. Я все смотрела, куда спрятаться. Думала, еще немного — и упаду. И тогда меня тоже можно положить на цементный стол. Голова закружилась, стало подташнивать. Словом, я выскочила из морга, прибежала домой. В слезы. Мать орет. Отец все успокаивает, рассказывает, как многие знаменитые хирурги тоже начинали с обморока в анатомичке или в операционной. Словом, уговорил меня. Попробовала еще раз. Только вошла в морг — упала без памяти в дверях. И вот до сих пор не могу переносить запаха формалина.

— А что это? — спросил Феликс.

— Такой раствор, чтобы труп не разлагался раньше времени.

— Подобный раствор живым больше нужен, — сказал Николай.

— Ну и что, — вставил Феликс, — так и бросила учебу?

— На аркане меня тащить в институт, что ли?

— А жаль, — нарочито глубоко вздыхая, сказал Николай, — сейчас лечила бы меня. А то здесь одна баба так грубо делает перевязку, что прибить ее хочется.

— Хорошо, что я не стала врачом. А то и меня бы прибил. И дитя мое осталось бы сиротой.

— Сиротой не останется. Объявится отец. А чего он у тебя подался в шабашники? Как-никак инженер, да еще зять знаменитого профессора?

— Он все хорохорился своей независимостью. Чуть что, сразу заявлял: «Мне ваши подачки не нужны». Вот и уехал на заработки.

— Гордый он у тебя.

— Да.

— Ты не забудь про зонтик, который вряд ли нужен твоей малышке.

— Не забуду. Отец в прошлом году привез зонтик из Кисловодска. Успел ко дню рождения внучки, к пятому августа.

— Когда, ты говоришь, день рождения твоего ребенка?

— Пятого августа.

Николай перевел взгляд на Феликса, усмехнулся, глядя на улыбающегося друга.

Пока оператор несколько раз снимал заданные ему кадры на чердаке, Вардан Хачатрян в самом углу, где было темнее, при свете спички рассматривал стену и что-то записывал в блокнот. Я подошел к нему. Завидя меня, он попросил, чтобы я посветил ему спичкой. Сам измерил валявшийся у ног туфовый камень, обточенный лишь с одной стороны. Он показал мне при очередной вспышке света глубокую выемку в стене.

— Вот отсюда Феликс вытащил камень. Но, видно, передумал по ходу дела. Я, кажется, догадался, почему. Поэтому попросил сделать второй кадр.

— Я никак не могу уловить суть и смысл того, о чем вы говорите.

— Зажгите еще раз, — сказал он и, дождавшись света, вновь взялся за измерение. Теперь он измерял параметры углубления в стене. Работал он скрючившись. Его худое долговязое тело свернулось, как канат. — До сих пор, — продолжил он, — вот до этого самого места, если быть поточнее, мы считали, что каждым шагом командовал Николай. Но здесь, уверен, начинается своего рода творчество Феликса. Это очень важно. А то получается, что Индеец Джо всего лишь слепой исполнитель воли своего шефа.

- А в чем заключалось само творчество?
- Вот на этот вопрос я и хочу ответить. Как, по-вашему, за какое время можно вытащить вот этот камень из зацементированной лунки?
- Смотря кто работает. Я смотрел на руки Феликса: мышцы ходуном ходят. Он натренировал мышцы как культурист. Растил мышцы ради силы, не думая о дыхании. Такой человек вряд ли долго смог бы работать в духоте. Дело было в пять часов дня, в самую жару. Если сейчас в такую рань нам невоготу, то каково же было в пять часов? Да еще долбить час за часом. Так что Феликсу пришлось искать другой путь к осуществлению цели. Об этом мог не знать Николай, который, кстати, отказывается от своего руководства.
- Но вы сами говорите, будто Индеец Джо не только слепой исполнитель чьей-то воли, он сам проявлял инициативу, так сказать, работал творчески.
- Да, но надо доказать, что это единственный случай, и отклонение от разработанного плана — не нарушение самого плана, автором которого является только Николай.
- Туманно для меня.
- Пока нам нужна истина. Одна лишь истина...
- Не вижу привычной улыбки Индейца Джо, — сказал Николай входящему в палату Феликсу.
- Настроения нет.
- Чего это?
- По ночам вижу моего мальчика.
- А может, жену?
- Жену тоже.
- Возьми Карине на время. Успокойсья.
- Я не только вор.
- А кто ты еще?
- Армянин.
- Ты бы еще сказал стопроцентный. Ведь я — лишь наполовину. А что, армянин не может с другой женщиной изменять своей жене?
- Жене может. Но не другу.
- Что ты этим хочешь сказать?
- Карине твоя. Она по крайней мере тебя любит. И еще она знает, что мы не только друзья, но и братья.

— Я же тебе не навсегда предлагаю. На время. Ради общего дела.

— Женщину-то я и без тебя найду, на время тем более. А ребенка?

— Потерпеть придется. Ты же ради ребенка и жены идешь на ответственное дело. Может, последнее рискованное дело в жизни.

— Может, действительно последнее?..

— Не каркай. Я имею в виду, что нам хватит с тобой до конца дней. А погореть — невозможно. Все учтено, рассчитано. Я тебе об этом сто раз говорил, мы никогда не погорим. Это просто невозможно. Горят только те, кто заодно планирует мокрое дело. А мы об этом не помышляем, у нас все по-другому. Подумаешь, несколько сот тысяч хотим иметь разом. От этого государство не обеднеет. Ты знаешь, какой бюджет у нашего государства?

— А что это такое?

— Это все деньги, которые планируется израсходовать за год.

— И сколько?

— Сотни миллиардов. Сам читал в газете. И, помнится, в голову полезла заманчивая мысль...

— Выкрасть несколько миллиардов?!

— Нет. Оказаться рядом с такими деньгами. Глазеть на них, считать, потом сбиться со счета и снова начать. А тут всего-то несколько сот тысяч.

— Этого мало?

— Если четко поработаешь — будет больше. Я точно знаю. А пока давай прорепетируем. Для чего складной лом?

— Чтобы открыть любые двери.

— Для чего зубила и молоток?

— Ты мне лучше скажи, для чего мне детский зонтик? Я уже больше недели схожу с ума в догадках.

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Зубила и молоток мой постоянный инструмент. Зачем ты спрашиваешь?

— Чтобы ты ответил.

— Долбить стену. Продырявить потолок коловоротом. Дальше действовать вновь зубилом и молотком.

— Для чего ножовки?

— Пилить арматуру, которая проходит вдоль бетонной плиты.

— Все пилить?

— Нет. Одну оставить. С самого края.

- Для чего?
- Чтобы привязаться к ней.
- Каких размеров сделаешь дырку в потолке?
- Примерно сорок сантиметров диаметром.
- Как будешь сверлить?
- С краев, по окружности. Потом буду выковыривать ломом и зубилом.
- Какая высота потолка от пола?
- Более четырех метров.
- Когда будешь работать ломом и зубилом, куда будут падать куски бетона?
- Туда, вниз. На пол.
- Какая высота?
- Я уже говорил, более четырех метров.
- Который час будет примерно, когда будут падать куски бетона на пол?
- Примерно три-четыре часа ночи.
- То есть эти куски будут падать с такой высоты при абсолютной тишине, когда на улице ни шороха, ни единой машины. Значит, будет стоять грохот от падения кусков бетона.
- Еще какой грохот! — согласился Феликс.
- Значит, на улице будет все слышно.
- Возможно.
- И что ты предпримешь?
- Постелю на полу одеяло.
- Не шути. Что ты предпримешь?
- Буду работать осторожно.
- Все равно камни, большие и маленькие, будут падать. Это же огромная площадь — сорок на сорок. Несколько десятков кусков. Несколько десятков громких ударов.
- А что ты предлагаешь? — спросил Феликс.
- Предлагаю всего один удар.
- А остальные?
- А остальных не должно быть.
- А как? — Феликс не скрывал интереса. Ему не терпелось узнать, как предотвратить шум.
- В первую же дырку просунуть детский зонтик.
- И что?
- Зонт пройдет и раскроется.
- И кто его будет держать?
- Ты.
- А кто будет сверлить, долбить, ковырять?

- Ты.
- У меня две руки.
- И две ноги.
- Ноги для того, чтобы ходить и стоять на них.
- К ноге можно привязать зонтик.
- Можно.
- Я не спрашиваю. Я утверждаю.
- Зонтик, значит, раскроется...
- Зонтик раскроется и без всякого шума наполнится кусками бетона.
- И ты молчал столько дней?! — Феликс засиял.
- Молчал. Так надо было.
- А как быть, когда зонтик наполнится? Бросить — грохнется и, можно сказать, взорвется, как бомба.
- Бросать не надо. Надо опускать — зонтик обратно не влезет.
- Как я опущу его на такую глубину?
- На веревке.
- Значит, я должен привязать его к ноге на длинной веревке.
- Ты умница, догадлив, как настоящий Индеец Джо. И если так, то подумай: что еще забыл? Что должен еще взять с собой?
- Не знаю. Вроде все.
- Ты забыл о самом, может, главном. Но об этом я тебе скажу накануне. То есть через три дня... А теперь уходи. Скажи Карине и всем, кто приходит ко мне, что в больнице карантин. Пусть никто не появляется. Никто. Не приходи и ты ровно два дня. Придешь на третий день. Утром пятого августа. Я тебя снова буду экзаменовать.
- Я впервые в жизни выдержал экзамен! Сколько же можно?
- Еще много вопросов. Ты должен знать, что еще надо взять с собой. Ты должен знать, что делать после того, как выйдешь на улицу с рюкзаком. Ты должен знать каждый свой очередной шаг.
- Ну почему два дня я не должен приходить сюда? Вдруг возникнут вопросы какие?
- Много вопросов не возникнет. А если и возникнет что — решим пятого августа. Мне самому эти два дня нужны. Я тебе сказал, что ты забыл о самом главном. А ведь я и сам не знаю, что именно мы забыли. Я просто чувствую. И мне надо два дня, чтобы разгадать.
- По-моему, мы учли всё.
- По-твоему. Но не по-моему.

В ту ночь Николай не сомкнул глаз. Он ни на минуту не сомневался, что операция завершится успешно. По крайней мере, оснований для опасений нет. Конечно, стопроцентную гарантию никто не даст. Но за девяносто процентов Николай ручался самому себе. А десять? Вряд ли Феликс мог догадаться, что именно ради оставшихся сомнительных десяти процентов и взял Николай двое суток. Что называется, тайм-аут. Только остаться наедине с самим собой, никого не видеть, ни с кем не разговаривать. Десять процентов — это немало. Каждый из десяти шагов может привести в пропасть. «В пропасть — для кого? — рассуждал про себя Николай, лежа на спине. Боли он уже не чувствовал. — В пропасть упадет в случае провала Феликс. Не могут же заподозрить человека, лежащего в больнице? Ведь во время взятия банка я буду здесь играть в козла, в карты, в нарды. Буду шуметь, веселиться, всем рассказывать, как хотел окончить институт, но не дали. На меня обратят внимание все. Алиби. Мне больно ходить выпрямившись. Сам Бог устроил все так, как получилось. Напрасно я поносил водителя. Царство ему небесное! Судьба мне его послала. Благодаря ему я не отношусь к десяти процентам сомнения. Я — гражданин девяносто процентов. Индеец Джо хороший парень. От него зависит все. В том числе чтобы не было никаких сомнений вообще. В Краснодаре меня прозвали «Лазером». Знали бы они, какое я ничтожество по сравнению с Индейцем Джо. Я верю в него. Никаких десяти процентов. К черту сомнения! Ну, а если что случится? Такова жизнь. Значит, надо чтобы он взял с собой пистолет. Я против «мокрых дел». Но пистолет нужен на всякий случай. Если у него обнаружат оружие, будет лучше для нас обоих. Если гореть, то гореть нужно одному и до конца. Феликс меня не выдаст — ничего страшного. У меня алиби. Я лежал в больнице. Я выпрямиться не могу, не то что ограбить банк. Пистолет осложнит положение Феликса — это верно. Дело будет оформлено, как вооруженное ограбление. Говорил же, что забыли самый, может, важный предмет. Интуиция меня еще не подводила. Пистолет. А я еще ворчал и жаловался на Армавир. Считал, что нам там не повезло, что овчинка выделки не стоила. Есть судьба. Она сама подбросила нам пистолет. И в придачу шесть тысяч рублей. Бог, значит, на моей стороне. В случае провала погорит один лишь Феликс. На первом же свидании с женой она ему скажет, что шеф во всем помогает, регулярно через ребят шлет деньги. Духовной семинарии я не кончал, всего полтора курса филфака, но твер-

до знаю, что Бог — это угрызения совести. Если я помогу его семье, значит, у меня не будет угрызений совести... Неужели справедливо, если погорим оба? Кому это выгодно, Феликсу? Вряд ли. Я на свободе худо-бедно сумею помочь его семье, которую бедняга во сне стал видеть в последнее время. Так что все идет правильно. А пистолет нужен. Конечно если он выстрелит, то песенка его будет спета окончательно. Что поделаешь? Однако чувю, интуиция подсказывает: мы еще что-то забыли. И очень существенное. Я найду, спать не буду два дня, но найду. Не будет Индеец Джо упрекать меня, что я что-то не предусмотрел. Ведь с самого начала я учел самое главное — возможности и способности Индейца Джо, который с гордостью мальчишки признался, что три раза подтягивается на одной руке».

Следственный эксперимент продолжался. Съемки на чердаке закончились. Нужно было всем спуститься вниз и через парадный подъезд войти, теперь уже вместе с Феликсом и Николаем, в банк, подняться на третий этаж. Там есть что снимать. Последними с чердака спустились мы с Варданом, потные, промокшие насквозь. На улице, несмотря на солнце, нас сразу обдало приятной прохладой. Вардан остановился, протер очки, бурча что-то под нос.

— Что вас тревожит? — спросил я.

— Я должен еще раз подняться на чердак. Суренян подкинул идею. Хочу ее развить, но не получается.

— Что именно?

— Надо еще поговорить с Суреняном...

Забегая вперед, скажу, что в тот же день, сразу после окончания очередного следственного эксперимента, я сидел в ставшем для меня привычном уголке кабинета Арташеса Суреняна и слушал, время от времени черкая карандашом в толстом блокноте, на черном кожаном переплете которого было написано «Аэрофлот».

— Ну, а когда ты доберешься до сути идеи? — спросил Вардана Суренян

— А он весь нафарширован идеями, — начал вместо долговязого Хачатряна пухлый, с бычьей шеей, Асатрян.

— Это не плохо, если у человека есть идеи. У Вардана их слишком много. Всегда путается в них, — улыбаясь, сказал Самсон.

- Чего не скажешь о тебе, — вставил Вардан.
- Ну, хватит подтрунивать друг над другом. Я вас разделю, как делят яблоко на две части.
- Не надо, Арташес Оганович, — одновременно и довольно громко сказали оба следователя.
- То-то. Грызетесь, а друг без друга дня не проживете. Итак, докладывай, — обратился Суренян к Вардану.
- Адвокат Феликса Каланяна упорно твердит, что его подзащитный — жертва Николая Каланяна, — сказал Вардан, глядя в свои записи.
- Между прочим, доля истины в этом есть. Феликс, конечно, не малое дитя, но жертвой в некотором роде его можно считать.
- Но защитник Николая Каланяна твердит другое, мол, его подзащитный лежал в тяжелом состоянии в больнице, а по-сему вообще ни в чем не виноват или виноват лишь в подстрекательстве.
- Идею свою давай, идею. Все это мы и так хорошо знаем.
- Вот именно, — весело сказал Самсон.
- А идея моя как раз исходит из этого.
- Из чего из этого?
- Из того, что твердят оба адвоката. У меня создается впечатление, что Феликс дважды пробирался в банк.
- Непонятно.
- Мы установили, что на месте преступления были обнаружены шесть бутылок минеральной воды, причем одна даже полная.
- И что из этого?
- Он замучил меня бутылками, Арташес Оганович.
- А то, что я обнаружил еще две бутылки на чердаке. Рядом с туфовым камнем, который Феликс успел вытащить из стены. Итого, восемь бутылок.
- Ты считаешь, что Феликс взял с собой слишком много бутылок?
- Да. Но не только это. Две бутылки, которые валялись на чердаке, были из-под «Арарата». Из шести же бутылок, найденных у отверстия в потолке, пять были из-под «Джермука». И лишь одна «Арарат». Вряд ли он мог взять в одном магазине разные.
- Пока все логично. А какая, кстати, вода была нераспечатана?
- «Джермук»...

До полудня Николай ждал Индейца Джо, не отходя от окна, откуда хорошо обозревался двор первой городской больницы «скорой помощи». Он уже явно нервничал. Времени до вечера еще много, но его бесила беспечность Феликса, который не спешил к шефу за последними инструкциями. Ведь он не раз говорил, что забыли что-то, а об этом он скажет Феликсу в последний день. Николай не зря провел две бессонные ночи. Он наконец нашел то, о чем упорно думал. Он нашел самое главное, нашел то, без чего невозможно ограбить банк. Где-нибудь на Севере — пожалуйста, можно, а в южном городе, пятого августа, когда с утра уже дышать нечем, в окно бьет с улицы не живительная прохлада, а духота, — невозможно без воды.

Николай не спускал глаз с ворот, через которые проходили люди и проезжали машины на территорию больницы. Он уже запросто отличал машины, принадлежащие сотрудникам больницы, и те, хозяева которых — посетители. Обычно сторож, слегка наклонившись, вглядывался в лицо водителя и, узнав врача, опускал натянутую вдоль ворот цепь. Если же водитель «чужак», сторож качал головой, давая понять, что проезд запрещен. «Чужак» непременно выходил из машины, подходил к вахтеру, минуту-другую о чем-то болтал, потом совал тому что-то в карман и возвращался к машине. Цепь, звякая, падала на землю, и машина спокойно въезжала на территорию.

Очередной «чужак» вел немудреные переговоры с вахтером. Николай смотрел, позевывая, на эту наскучившую сцену, когда через висящую цепь ловко перепрыгнул Индеец Джо. Он догадался, что друг, можно сказать, висит на окне, поэтому поднял руку для приветствия раньше, чем успел увидеть его.

— Однако ты... — начал Николай, как только Феликс переступил порог палаты.

Феликс его перебил, привычно показывая свои белые зубы:

— Я хороший мальчик.

— Ты, видать, с утра съел сердце льва.

— Вкусно было.

— То-то, ведешь себя как лев.

— Это плохо? — спросил Феликс, все еще улыбаясь.

— Хорошо, если твой лев не выдохнется к пяти вечера пятого августа. Ты, кстати, завтракал?

— Львиного сердца не ел, но стакан чая выпил.

— Будет хорошо, если ты сегодня ничего не поешь или почти ничего.

- А как пахать на голодный желудок?
- На голодный желудок не очень хочется пить. Я тут за эти два дня нашел самое важное упущение.
- Мы все учли. Я мысленно отрепетировал.
- Мы забыли о воде.
- О какой воде?
- Ты должен взять с собой пять бутылок минеральной воды.
- Ты с ума сошел. Это же шум, грохот, наконец, груз. Тащить с собой всякие железяки. Одна дрель стоит целой гири. А тут еще пять бутылок. Подумаешь, захочу пить — потерплю. Сколько раз бывало...
- Такого ни разу не бывало. На чердаке ты изойдешь потом. Не легче будет, когда станешь сверлить потолок. Но это еще не все. Страх у одних вызывает голод, у других — жажду. Обратил внимание, когда человек волнуется, поражен неожиданным известием, ему дают стакан холодной воды?
- Да.
- Ведь не зря люди говорят друг другу: выпей воды — успокойся?
- Да, действительно.
- Сколько же ты собираешься брать с собой воды.
- Одну бутылку.
- А для сверла? Работать будешь с бетоном. Сверло накалится.
- Ну, две бутылки.
- Меньше пяти — запрещаю. Бутылка воды стоит десять копеек без тары. Из-за нескольких копеек потеряем несколько миллионов.
- Так-таки несколько миллионов? Третьего дня счет вели на тысячи...
- На сотни тысяч.
- Пусть так. А теперь на миллионы.
- Аппетитики, однако.
- Не аппетит, а расчет. Повторяю, не в кассу колхозного клуба полезешь... Не менее пяти бутылок.
- Хорошо, хорошо, сделаю, как ты велишь.
- ...Но Феликс не сделал, как велел Николай. Впервые, может, Индеец Джо послушался своего шефа. Он взял с собой не пять, а три бутылки «Аралата».

В полпятого вечера он сидел на скамейке в сквере у бесчисленных фонтанов. У ног его лежал новенький туристский рюк-

зак. Он лихорадочно курил, задыхаясь от жары, от которой не было спасения даже у шумных фонтанов. Ровно в пять с перекинутым через плечо рюкзаком он уже поднимался по вертикальной лесенке, ведущей с площадки третьего этажа примыкающего к банку жилого дома на чердак. Еще неделю назад по приказанию Николая он проверил, что за люди живут в квартире под чердаком, там, где ему придется ковыряться в стене. Выяснилось, что ни единой души нет не только в квартире, которая больше всего беспокоила грабителей, но и на всей площадке. И ничего удивительного: начало августа. Феликс смело расположился в самом углу чердака, вытащил из рюкзака зубила, молоток, фонарь и две бутылки «Арарата». Работу начал, не теряя ни минуты.

С самого начала Феликс понял: расчет на то, что чердачная стена поддастся легко, оказался неверным. Николай не учел, что дом построен в тридцатых, а не в семидесятых годах. Тогда строители не халтурили, даже возводя, так сказать, второстепенную чердачную стену. Более трех часов он провозился, пока добрался с одного бока туфового камня до дна лунки. Вытащив камень, он убедился, что стена тройная. Три слоя камней. Для того чтобы расшатать камень из второго слоя, надо вытащить еще один, иначе не доберешься до шва — ведь камни уложены в шахматном порядке. Время от времени высвечивая фонарем фронт работы, Феликс ловил себя на том, что не пробьет стену до полуночи. А там стена самого банка и бетонный потолок комнаты-сейфа, точнее, бетонный пол музыкальной комнаты.

«Кажется, шеф оказался прав. Как всегда, — подумал Феликс, осушая вторую бутылку «Арарата». — Осталась всего одна, а пить хочется все больше. Надо терпеть. Другого выхода нет».

Но терпеть стало невозможно. Пот лил в три ручья. Дышать становилось труднее. И Феликс решил подойти к слуховому окну подышать свежим воздухом. Высунув голову из квадратного отверстия на крыше, он почувствовал свежесть и прохладу. Феликс жадно глотал вечерний воздух. Ему был хорошо виден весь третий этаж здания. Неожиданно лицо его засияло. Он смотрел и не верил собственным глазам. Окна открыты настежь. С них были сняты не только решетки, но и сами рамы. Все до единой. Феликс вспомнил, как Николай говорил со слов Завена, что в банке затеяли ремонт. Железные решетки и рамы окон стояли внутри, в коридоре, приставленные к стене.

Феликс поднялся на крышу. Был уже девятый час вечера. Он медленно подполз к зияющему квадратному окну третьего этажа банка. Оно вплотную подходило к концу коридора. Оба здания трехэтажные. Всего лишь на метр возвышался чердак жилого дома над подоконником банка. Только один прыжок. Не считаешь — упадешь с третьего этажа на строительный мусор и разобьешься насмерть. Считаешь, значит, долбить две стены не придется.

И Феликс не стал мешкать. Он уже понял, что обратно на крышу ему будет еще легче пробираться. С подоконника — на выступ в окне, оттуда всего полметра до крыши. Он вернулся на чердак. Спешно запихнул в мешок зубила, молоток, фонарь... И через минуту уже был в коридоре третьего этажа банка.

Я еще сидел в углу кабинета прокурора Суреняна, когда Асатрян и Хачатрян, доложив о результатах первого дня следственного эксперимента, отправились, как сами говорили, зафиксировать на бумаге все, что было рассказано устно.

— Ну, как вам день? — спросил меня Суренян, как только молодые следователи закрыли за собой двери.

— Впечатлений много. Но, знаете, больше от ваших ребят, которые только что докладывали вам, нежели от бандитов в наручниках.

— А что именно? Я имею в виду наших ребят.

— Разные они. Самсон работал очень скрупулезно. Без его команды оператор и кадр не снял бы. Он как режиссер.

— А следователь во время следственного эксперимента и есть режиссер.

— Самсон сделал все так, как вы говорили ему утром. Отрабатывал версию: каким образом и как грабитель пролез в банк... А Вардана словно не интересовал сам следственный эксперимент...

— Он хорошо знает, что Самсон не пропустит ни единого кадра.

— Но он уже сам сомневался, что версия страдает погрешностями.

— Для фильма, который снимается во время следственного эксперимента, детали существенного значения не имеют. Грабитель должен показывать рукой объекты, где он орудовал. А вот для самого следствия, а тем более для суда, Хачатрян, мож-

но сказать, сегодня сделал открытие. Вардан прав: Феликс не мог с первого захода проделать такую работу или такой объем работы. Он на самом деле хорошо развил свои мышцы, но у таких редко открывается спасительное второе дыхание.

— А какое имеет значение для суда, с первого или со второго захода грабитель овладел деньгами?

— В данном конкретном случае — многое делается для обоих адвокатов. Мы должны показать все, как было на самом деле.

— Вардан тут признался, что его идею еще накануне подкармливали вы.

— Я ему сказал, чтобы он проверил, как и почему Феликс нарушил разработанный Николаем план. Ответ на этот вопрос развеет легенду, что Феликс — всего лишь инструмент в руках шефа. Так что Вардан Хачатрян блестяще решил задачу. Они довольно часто работают в паре. Даже в моем присутствии они не сдерживают себя.словно мальчишки. Но друг без друга не могут. И главное — дополняют друг друга в процессе работы.

Замигала квадратная клавиша коммутатора. Суренян нажал на нее. Послышался громкий голос:

— «Артасес Оганович, пришел директор радиомагазина».

— Приведите его ко мне, — сказал Суренян и, повернувшись ко мне, добавил: — Сейчас я вам представлю человека, который отказывается от целого состояния.

— Таких не бывает.

— Вот увидите.

Дверь тихо отворилась. Знакомый мне работник прокуратуры пропустил вперед полнолицего мужчину, с круглым животом, торчащим, как футбольный мяч, под белой тенниской.

— Проходите, садитесь, — предложил хозяин кабинета.

— Говорят, вы меня, Артасес Оганович, вызывали. Но никто не хочет объяснить, по какому вопросу, — сказал директор радиомагазина.

— Я распорядился, чтобы вам никто ничего не говорил. Решил сделать приятное сам. Хорошее занятие: делать человеку приятное.

— Пожалуй.

— Я хотел вам сказать, что обнаружены, наконец, грабители, которые залезли в ваш магазин и выкрали дорогостоящие магнитофоны.

— Вы что-то путаете, Артасес Оганович. Тут явно какое-то недоразумение. Мой магазин никто никогда не грабил.

Суренян медленно повернулся в мою сторону, делая вид, что ищет что-то взглядом в кабинете, и незаметно для присутствующих подмигнул, мол, а ты говорил, что не бывает таких, чтобы отказывались от целого состояния.

— Два года назад, пробив стену магазина, — спокойно, не замечая удивления собеседника, продолжал Суренян, — преступники проникли в магазин и украли около двадцати магнитофонов.

— Такого не было, Арташес Оганович.

— А вот мы поймали воров, которые рассказали все подробности. Я думал, вы обрадуетесь. Кстати, почему вы тогда не заявили в милицию о краже?

— Да никакой кражи не было, Арташес Оганович!

— Ну что ж, придется отправить к вам эксперта, который определит, в каком месте стены и когда были вынуты камни, когда в срочном порядке стена восстановлена.

— А мы после этого, Арташес Оганович, сделали в магазине капитальный ремонт, все переделали по проекту...

— После чего «этого»?

— Вы же сами говорили, что якобы два года назад что-то случилось. Вот я и имею в виду...

— Понимаю. Однако это не помешает узнать о пробитой стене. Интересно еще одно, как сами воры определили свои действия по отношению к вам?..

— У нас никакой кражи не было.

— Они сказали, что вор у вора дубинку украл... Вы свободны.

— До свидания, Арташес Оганович, — сказал директор магазина, поспешно поднимаясь с места.

— Пока свободны, — сказал ему вслед Суренян и дал знак работнику прокуратуры задержаться.

— Слушаю вас, — сказал тот, как только вышел директор радиомагазина.

— Займитесь им.

— Хорошо. Я думаю, сами грабители правильно определили: именно вор у вора...

— Займитесь этим магазином вообще и директором в частности. Что касается краденых магнитофонов, то тут дело гиблое. Мы никогда ничего не докажем. Ни один из краденых магнитофонов, конечно, не был зарегистрирован в магазине. Ладно, потом поговорим. Идите, а то этот хмырь ждет вас. Ему нужен пропуск подписать.

— Ну как? Убедились? — спросил меня Суренян, когда мы остались вдвоем.

— Одно мне непонятно: почему директор все-таки не заявил в милицию?

— Так ведь ясно сказано: вор у вора украл.

— Это-то я понимаю. Но он должен был заявить в милицию и привести список вещей, которые имеются в накладных, имелись в наличии по всем документам. Словом, с лихвой мог бы покрыть свои потери.

— Рискованно. Заявить в милицию — значит потерять покой. Потому что так грабителей найдут куда быстрее. Да и мы обнаружили их совершенно случайно. И то потому, что у нас есть секрет.

— Какой?

— Это действительно секрет. Его можно раскрыть только после окончания следствия.

— Мы уже не первый год знакомы. И вы знаете, что я ни строки не напечатаю до окончания суда и вообще без вашего ведома.

— Тут дело не только в том, — доверяю или нет, а в профессиональном принципе...

Группа, принимавшая участие в следственном эксперименте, поднималась по широким лестницам банка на третий этаж. Сотрудники пристально рассматривали так непохожих друг на друга двух одногодков в наручниках. Они шли по тому самому маршруту, по которому впервые после рассказа наводчика поднимались к музыкальной комнате. Группа останавливалась на каждом этаже, задавался неизменный вопрос: «Здесь?» Грабители отрицательно качали головами, показывая руками вверх. И все это снималось на пленку. На третьем этаже вновь остановились. Окна, конечно, были уже зарешечены. Вереница людей медленно подошла к музыкальной комнате. Впереди шли два охранника; чуть отставая от них — Николай и Феликс. Им сказали, чтобы они сами остановились у двери, которую, «рассчитали» по рассказу наводчика. Они одновременно остановились у музыкальной комнаты. Послышался стрекот киноаппарата. Преступники показали на дверь. Затем по команде Самсона Асатряна Николая отвели в сторону. К съемкам готовили одного Феликса. Он подошел к окну, которое год назад было открыто во время ремонта. Феликс показал двумя рука-

ми, где стояла приставленная к стене решетка от окна. Затем направился вновь к музыкальной комнате. Показал, как ломом открыл дверь. Тогда, год назад, руки его были в перчатках...

Тогда Феликс достал из рюкзака складной лом и в считанные секунды открыл дверь. Позже во время очередного следственного эксперимента он действительно в считанные секунды складным ломом откроет дверь, которая ничем не отличалась от двери музыкальной комнаты. Но это было уже в другом месте, где снимались кадры, показывающие процесс самого ограбления. К тем кадрам мы еще вернемся.

Открыв дверь, Феликс, как было «предписано» шефом, сделал два шага вперед, но шаг влево сделать не мог — мешал стол, на котором лежали несколько музыкальных инструментов. Он отодвинул стол в сторону, начал ломом выковыривать податливый паркет, освободив от него с квадратный метр цементного пола, покрытого черной смолой. Тотчас же начал сверлить. Поработав два часа, Феликс почувствовал, что просто умирает от жажды. Достав из рюкзака последнюю бутылку «Аралата», он выпил ее на одном дыхании до конца. На каждую дыру уходило более двадцати минут. Толщина бетона пятнадцать сантиметров. Сверлил и думал о воде. Нестерпимо хотелось пить. Думал о Николае, который предвидел эти мучительные минуты. Он и до этого относился к шефу с неслышанным уважением, а тут Николай показался ему даже колдуном.

Феликс уже хорошо понимал, что работать дальше не в силах. Может даже потерять сознание от мучительной жажды. Правда, здесь он не так потел, как на чердаке. Он встал, выпрямился, в полутьме направился, шатаясь из стороны в сторону, к выходу, крепко держа лом в руках. Глаза слипались. Он видел перед собой родники. Множество родников. Это были галлюцинации. Скользя плечом по стене, он усилием воли продолжал двигаться дальше. Наткнулся на дверь. Открыл ее ломом. Пошарил в комнате, заставленной столами, которые едва высвечивались тусклым светом ночного города. Воды не было... Одну за другой он открывал двери. Иногда прислушивался, приложив ухо к створке. И всякий раз ему четко слышалось журчанье воды. Тогда он с особым остервенением открывал дверь. Воды не было.

Набрел, наконец, на туалет, который был не закрыт. Ворвался туда, словно кто силой подтолкнул его. Открыл кран:

тщетно. Пошел воздух. Приподнял крышку бачка, полез рукой. Сухо. Ни капли даже на дне.

Феликс готов был зарыдать. Неожиданно захотелось, чтобы появилась охрана и задержала его. Уж она-то прежде всего напояла бы его. Он шел обратно по коридору. Лишь на мгновение остановился у дверей музыкальной комнаты, бросил в темноте взгляд на валяющиеся на полу вещи и двинулся дальше: в окно, на крышу, а там к скверу с фонтанами.

Ночной прохожий, даже если он вышел из дома по соседству с банком, вряд ли у кого-нибудь может вызвать подозрение. Но Феликс ни о какой предосторожности и не думал. Если бы в тот момент, когда он выскочил из подъезда и зашпешил к магистральной улице, вахтенная служба находилась на месте, она непременно заметила бы его. В несколько прыжков, на которые тратились последние силы, он оказался в сквере, припал к крохотному фонтану, не задумываясь, что совсем рядом, на углу сквера журчит родничок с холодной ключевой водой. Пил он долго, время от времени переводя дыхание и обливая лицо водой. Выйдя из неглубокого бассейна, он снял туфли, вылил из них воду, сел на край скамейки и почувствовал, как его охватила слабость. Хотелось лечь и уснуть, ни о чем не думать. Только спать.

Лишь усилием воли Феликс заставил себя встать. Он уже знал, что мокрые ноги в мокрых туфлях помимо собственного желания понесут его к Николаю, который ждет, не отходя от больничного окна.

Примерно полчаса ходу до больницы «скорой помощи». Но Феликсу показалось, что прошла целая вечность. Николай стоял у окна. Уже светало, и он не мог не видеть, что Феликс вернулся не только с пустыми руками, но и опустошенный.

Николай не торопился справляться у друга о деле, даже знаками. «Провал» был написан на всей фигуре Феликса, который еще плелся по больничному двору...

— Тебя обнаружили? — тихо спросил Николай, разглядывая странный вид Индейца Джо, который замер в дверях палаты.

— Нет.

— А в чем дело? — Николай облегченно вздохнул.

— Вода! — едва шевеля губами, сказал Феликс.

— Какая вода? Я вижу, тебя застигло наводнение.

— Я умирал от жажды. Я не смог...

— Сколько ты взял с собой воды?

— Три.

Николай со всего размаха ударил напарника. Поднял руку, готовясь нанести второй удар, но задержал ее в воздухе. Феликс не шелохнулся от первого удара. Он спокойно готов был принять и второй, и третий удары. Создалось впечатление, что он ждал наказания, даже желал его.

— Ладно, раздевайся и ложись спать, а я посижу рядом. Ты не удивляешься, что дверь в больницу открыта?

— Нет.

— Почему?

— Ты, наверное, устроил.

— Я. Ты понимаешь, я все устраиваю. Я думаю, прежде чем что-то делать. Если бы я сказал тысячу бутылок, надо было взять тысячу.

— А как бы я потащил с собой тысячу?

— Ложись спать, Индеец Джо.

Феликс так и не успел сказать Николаю, что стены чердака и банка ему не пришлось пробивать. Сил уже не хватило. Когда он проснулся, проспав четыре часа, то почувствовал, что ему не хочется рассказывать шефу о подробностях. Наверное, где-то осознавал, что позже цена его «подвига» в глазах друга окажется куда дороже.

Собственно, если бы он и захотел рассказать, то не сумел. Вначале помешали сестры и врачи: приносили Николаю то термометр, лекарства, то просто так открывали дверь, то еще что. Потом начался обход, и Николай вынужден был поднять друга с постели. А после обхода в больницу пришла Карине.

— Ты почему запрещаешь тебя навещать? — сказала она, садясь на край кровати.

— Голова болела, — ответил Николай.

— А Феликсу можно? Он вон с утра уже у тебя. И помятый такой, словно ночевал здесь.

— Кара, я всю ночь не спал. Оставьте меня одного. А ты, Индеец Джо, проводи ее домой.

— Но, Коля...

— Я хочу спать, — твердо повторил Николай и зло посмотрел на Карине.

— Хорошо-хорошо, мы уходим, — сказала она.

— Приходи завтра после обеда. Я, надеюсь, у меня будет хорошее настроение. А пока ты выйди и подожди в коридоре Феликса.

Карине поцеловала Николая в щеку и выпорхнула из палаты. Николай встал с постели, подошел к Феликсу, стоящему у окна, и шепотом сказал:

— Иди домой, но сначала подойди к объекту. Если что не так — сразу догадаешься. Хотя я уверен, там все спокойно. Ровно в пять повторишь вчерашний маршрут. Возьмешь с собой воды. Думаю, трех бутылок хватит. Завернешь их в белую бумагу. Так ведь нынче ходят в гости, неся водку или коньяк. Смело можешь войти в подъезд. Но для того чтобы не вызвать подозрения случайно оказавшихся там жильцов... что нужно делать?

— Я не знаю. Я уже ничего не соображаю.

— Нужно погладить брюки. Посмотри только, в каком ты виде. Переоденься лучше. А теперь иди.

Феликс медленно поплелся к выходу. Николай его резко окликнул.

— Я ошибся, — тихо сказал он.

— Это меня радует.

— Почему?

— Выходит, и ты можешь ошибаться.

— Да, я ошибся. Не вздумай переодеваться — плохая примета. Просто приведи себя в порядок.

— А побриться можно?

— Ни в коем случае. А еще лучше зайди сюда в четыре часа. Понял?

— Понял.

По-видимому, барахлил киноаппарат. По крайней мере, после того как оператор что-то сказал Самсону, все засуетились. Вновь потащили Феликса к окну, откуда он, словно киноартист, готовящийся к дублю, примеривался, как должен подойти к некогда заветной двери. Застрекотал аппарат. Все кинулись за «киногероем».

Я смотрел на эти странные для меня кино съемки и не переставал думать о Суреняне, о прокуроре, который только раз побывал в самом банке, когда состоялось ограбление. И больше практически не выходил из своего кабинета. На основании одних лишь расчетов он вычислил, что Феликс «взял» банк не с первого захода. Допрашивая отдельно Николая и Феликса, прокурор выяснил, что «шеф» понятия не имел, каким образом Индеец Джо проник на третий этаж. Однако не сомневался: все остальное до мельчайших подробностей разработано толь-

ко «шефом». Пожалуй, лишь место на полу, где намечалось пробить дыру, было указано не Николаем. Место это, как мы знаем, определил наводчик. Но остальное уже делалось под диктовку Николая. Феликс потом скажет, скорее желая выразить свое уважение к Николаю, нежели выдать его, что, работая (он так и говорил: «работая»), он все время отчетливо слышал голос «шефа», его команды. Суренян спросил как-то: «А ты смог бы сейчас вспомнить какую-нибудь конкретную команду, которая якобы давалась тебе Николаем?» «Смог бы, — сказал Феликс, немного подумав, — он, например, говорил, не пей воду большими глотками. Точно знаю, он об этом не предупреждал в больнице, а вот там, в музыкальной комнате, мне так слышалось. И я уже пил маленькими глотками, чувствуя, что пить хочется меньше, да и страх проходит. Я лишь острее-нело работал, сверлил».

Как только в первый раз сверло проскочило насквозь, Феликс почувствовал облегчение. Он начал ковырять ломом. Теперь уже Индеец Джо боялся отступить хоть на йоту от плана шефа, норовя как можно быстрее просунуть в зияющую дыру детский зонтик. Но долго еще ему пришлось ковыряться, прежде чем сложенный зонтик легко прошел в отверстие. Он привязал к гнутой ручке длинную веревку, обмотав второй конец вокруг шиколотки. Куски бетона один за другим падали в раскрытый зонтик. Он вновь вспомнил о своем шефе, который не переставал давать команды. Довольно часто приходилось руками отрывать прилипшие к арматуре окаменевшие плоские плитки бетона. Как только образовалась большая щель, Феликс взялся за ножовку. Пилить он начал неровно, дергаясь, сломал пару полотен, пока наловчился. Однако второй конец арматурного прута давался куда быстрее. Он пилил лишь до половины, сгибал прут вниз-вверх и довольно легко ломал у основания.

Взяв очередную бутылку воды, Феликс присел у довольно внушительного уже отверстия и поймал себя на мысли, что улыбается. Улыбается наивности Николая. Может, впервые позволил себе такое. Тот говорил, что вода будет нужна и для победитового сверла. Но разве можно при ручной работе накалить сверло? Другое дело — электродрель. И все же он решил дотронуться до кончика сверла. Каково же было его удивление, когда обжег руку. Значит, все-таки накаляется. Но воду на

сверло лить не стал. В наступившей тишине до слуха донесся бой часов на площади. Начал считать. Всего три удара. Три часа ночи с шестого на седьмое августа, с субботы на воскресенье. Через полчаса Феликс определил на глаз, что запросто может пролезть в отверстие. Лишь потом измерят его точно: тридцать четыре на тридцать один. Он привязал к арматуре другую веревку, на которой через каждые шестьдесят сантиметров были плотные узлы с детский кулак. Феликс осторожно опустил наполненный до краев зонтик на самое дно «колодца», поразившись бесконечности глубины. Спустил ноги в отверстие и стал медленно пролезать через него. Повиснув под самым потолком, он схватил приготовленный рюкзак и ловко стал спускаться вниз.

В комнате было очень темно. Лишь уродливой формы дыра едва светилась над головой. Феликс включил фонарь, повел им вдоль одной стены, другой, третьей. Кругом были деньги, аккуратно сложенные в каких-то гнездах. Главное — не закрыты, не в железном сейфе. Собственно, сама комната — это сейф. Стены непробиваемые, двери, наводчик говорил, как на линейном корабле, — руками не откроешь. Не теряя времени, он стал запихивать пачки в рюкзак. Уловив взглядом высвеченные лучом фонарика наиболее крупные купюры, он брал в основном их. Брал, не считая, и из других гнезд. Николаем была дана такая команда: разные купюры, но крупных — побольше.

Наполнив рюкзак до отказа, Феликс перекинул ремни через плечо и начал взбираться наверх. Вновь с благодарностью вспомнил Николая, который заставлял его тренироваться. На тренировке Феликс чаще всего поднимался на пять-шесть метров по канату с двухпудовой гирей. Рюкзак примерно такого же веса. И он легко поднялся под самый потолок, повис на согнутой руке, а другой стал вытаскивать пачки из рюкзака и просовывать через отверстие наверх. Когда в рюкзаке осталась примерно половина содержимого, он запихнул его в дыру, оттолкнул в сторону.

Пробили башенные часы. Четыре удара. В это время Феликс уже стоял в дверях с рюкзаком, перекинутым через плечо. При тусклом свете он окинул взглядом «фронт работы», посмотрел на валяющиеся в беспорядке инструменты, бутылки «Джермука» и вспомнил, что одна бутылка осталась нераспечатанной. Улыбнулся и вышел, не пытаясь закрыть за собой дверь. Ему страшно хотелось снять перчатки. Чувствовал, как вспотели руки.

Уже знакомой дорогой он взобрался на чердак, спустился по вертикальной лестнице и уверенно зашагал к выходу, снимая на ходу перчатки. Вновь послышался голос Николая: «Иди уверенно, спокойно. Не может вызвать подозрение рюкзак на плече молодого человека в предрассветную пору выходного дня».

По банковскому переулку медленно шел молодой человек, с каждой минутой чувствуя, как тяжесть все сильнее давит на плечи. Он приближался к просторной площади, время от времени оборачиваясь. Понимая, что вряд ли сумеет дотащить такой груз до больницы, Феликс намеревался остановить любую случайную машину. Кстати, именно такая установка была ему дана. Остановить любую машину. На худой конец, можно и милицейскую. Просьба подвезти до больницы обезоружит любого и каждого. У площади Феликс остановился, опустив рюкзак на асфальт. Услышав шум приближающейся одинокой машины, он шагнул в сторону дороги. Машина тотчас затормозила.

— Чего это в такую рань в больницу да еще с рюкзаком? — спросил водитель, когда уже подъезжали к цели.

— С поезда я. Брат в больнице. Хочу прежде его повидать, потом ехать домой. Будь добр, если можешь — подожди меня во дворе.

— Отчего ж не подождать ради такого дела. Конечно.

— Я тебя не обижу.

— Будет тебе! Нашел о чем говорить.

Машина подъехала к воротам больницы. Натянутая цепь преградила путь. Феликс вышел из машины, подошел к сторожке, успев помахать рукой торчащему в окне Николаю, и вскоре вернулся к воротам. Сам опустил цепь и показал водителю рукой, чтобы подогнал машину к самой стене.

Николай исчез в просвете окна, словно его там и не было. Не успел Феликс добраться до машины, как Николай оказался внизу в больничной пижаме. Они обнялись. Водитель смотрел через ветровое стекло на братьев и улыбался.

— Ну, заводи, дорогой, — скомандовал Николай, — поедем с братом домой.

— Разве можно из больницы в такую рань? Больной, небось?

— Ничего, друг, сто лет не виделись с братом, — сказал Николай, садясь в машину.

— А куда ехать?

— В район Саритаг, — тяжело проговорил Феликс.

— Поехали. Этот день принесет удачу. Добрых людей встретил рано утром. Я всю жизнь ценил тех, кто к родному брату относится с любовью. А вы, я вижу, парни настоящие. В Сарован я собрался. Там, говорят и пальто меховое можно купить.

— А зачем тебе пальто в августе месяце, да еще меховое?

— Да не мне. За всю жизнь я нового пальто себе не купил. Дочери обещал. С медалью окончила школу и сказала, что поступит в университет. Сдаст всего один экзамен и поступит. Ну, а позавчера, в пятницу, она получила пятерку. И — студентка. Вот я и еду в Сарован. Там родственник живет. Обмозгуем сегодня, а завтра, в понедельник — посмотрю. С пустыми руками вернусь: позора не оберусь. Зарабатываешь деньги, как проклятый, трудишься и думаешь: а кому нужны деньги, если ничего купить на них не можешь? Или надо иметь черт-те сколько, или — одно мучение.

— А сколько, по-твоему, надо иметь, чтобы не было мучений?

— Много.

— Ну, примерно.

— Не знаю. Сколько ни скажу — все будет мало. Вот и подъезжаем к Саритагу, а куда именно?

— Ты не так понял, друг. Брат сказал: через Саритаг к вокзалу, — вставил Николай, ущипнув Феликса за ногу, — там, не доезжая до вокзальной площади, — жилой дом.

Водитель машины от денег отказался наотрез, повторив: «Ценю тех, кто к родному брату относится с любовью».

Грабители взяли такси и через десять минут были у себя на квартире, которую снимали у одинокой старухи в старинном квартале города — Саритаге. Одноэтажный уродливый домик, доживающий свой век в огромном городе. Такие дома не ремонтируются, к ним не подводятся коммуникации. Рядом с ними всегда растет одно или два тутовых дерева. В углу обычно чистоуго, утрамбованного дворика весной цветет сирень. В одном из таких домов по улице Нар-Доса Каланяны снимали комнату. В шестом часу они добрались до цели, затащили рюкзак в комнату и положили его на кровать, на которой спал Николай.

— Что будем делать? — тихо спросил Феликс.

— Прежде всего, закроем дверь на ключ и начнем считать.

— А потом?

— А потом припрячем и поедем в больницу. Я там должен быть до того, как сестры начнут разносить эти дурацкие термометры.

- Ты почему заставил парня везти нас до вокзала?
- Слишком уж честный малый оказался, больно честный. Я думал вначале хапуга какой, выехал спозаранок деньги зашить, а тут: пальто для дочери-отличницы. Вдруг через день-другой слухом о банке дойдет до него. Начнет рассуждать, что-то припомнит. Маршрут хотя бы. Ведь он подобрал тебя на площади, недалеко от объекта. Мало ли что. Так пусть в случае чего скажет, что повез их на вокзал. Легавые подумают, что ребята улизили. Хотя, честно говоря, ему ничего такого в голову не полезет. Ну, начнем, пожалуй. Как, по-твоему, что нам для начала нужно?
- Не знаю.
- Бумага и карандаш. Записывать надо, иначе запутаемся. Но вот еще что: прежде чем ты откроешь рюкзак, мы должны с тобой определить общую сумму. Угадать, то есть.
- А это еще зачем?
- Ради спортивного интереса. Как по-твоему, сколько здесь килограммов?
- Два пуда будет.
- Будем считать, тридцать. Каких купюр больше?
- Крупных, как ты велел. Наверное, сторублевых намного больше.
- Тогда записываю... Примерно... — Николай минуту-другую что-то писал, бурча под нос, подумал и объявил: около полутора миллионов.
- Феликс громко засмеялся. Николай бросился вперед, презрев боль в спине, и прикрыл ему ладонью рот.
- Чокнулся? Разбудишь старуху — хлопот не оберемся. Время потеряем.
- Ты же знаешь, она глухая.
- А черт ее знает, глухая ли! Ну, открывай.
- Феликс ловко развязал шнурки, отстегнул ремни. Николай посмотрел на новехенькие купюры совершенно спокойно, не проявляя никаких эмоций. Лишь тихо скомандовал:
- Высыпь все на кровать. Считать начнем со сторублевых, и тут же — в рюкзак. Так будет правильнее.
- Феликс бросал в рюкзак по кирпичику сторублевые купюры. В каждой пачке — сто штук. И когда он, нудно и монотонно считая, дошел до ста, Николай его остановил:
- Ты знаешь, сколько уже насчитал?
- Сто пачек.
- А сколько это рублей?

— Как сколько? Сто на сто — десять тысяч.
— Сколько ты классов кончал, Индеец Джо?
— Хватит, чтобы считать с утра до вечера деньги, — сказал Феликс, довольный своей шуткой.

— Меня всегда называли «способным, но ленивым». Иногда — «очень способным, но очень ленивым». А ты все-таки был беспробудным двоечником. Ну, сколько ты насчитал денег?

— Сто на сто — десять тысяч. Я тебе так и говорил.

— Сколько ты пачек насчитал уже, кроме тех, что на кровати, Индеец Джо? — Николай не мог скрыть растущего возбуждения.

— Сто надо умножить на десять тысяч, — догадался Феликс.

— Вот возьми теперь, дорогой мой, профессиональный двоечник, перемножь на бумаге эти цифры. Умножишь — впервые в жизни получишь пятерку, как дочь того водителя.

Феликс принялся черкать на бумаге. Не сразу он вывел ответ. Но через некоторое время вслух произнес, словно не веря собственному голосу;

— Ровно миллион.

— Умница, Индеец Джо. Ровно миллион. А теперь, мой мальчик, продолжай. Сегодня тебе предстоит решать много задач.

Феликс отправил в рюкзак еще десять сторублевых пачек, и к написанному миллиону приплюсовал еще сто тысяч. Потом начал считать пятидесятирублевые купюры. Экзаменов Николай больше не устраивал — слишком поджимало время. И записи уже вел сам. Выходило в общей сложности: пятьдесят пачек пятидесятирублевых, тридцать пачек двадцатипятирублевых и сто пачек десятирублевых купюр, бывших в употреблении. Итого — один миллион пятьсот двадцать пять тысяч рублей. Николай сложил лист четверо, хотел положить в карман, но достал спички, чиркнул и демонстративно сжег бумагу.

— Так будет правильно, Индеец Джо. Эти цифры я и без того не забуду до конца своих дней. А ты, юноша, уникальный человек. Полное отсутствие знаний в элементарной математике, но зато брал, считая. Это трогательно. Я люблю тебя, Джо! Я бы так не смог. При всей моей аккуратности, я бы просто без разбора набил рюкзак. Ты соткан из железа. Насчитал сто десятирублевых, и ни пачки больше. Знали бы твои школьные учителя о твоих математических способностях — сгорели бы от стыда.

— Ты что-то, шеф, на себя не похож. Не заболел часом?

— Заболел, Индеец Джо, заболел. Ты знаешь, о чем думают чемпионы, взбираясь на пьедестал почета?

— Ни разу не поднимался.

— Они думают о том, что легче завоевать звание чемпиона, чем удержать его. Чем удержаться на пьедестале. А пока, мой мальчик, отодвинь, пожалуйста, стол.

— Нет. Ты явно чокнулся. «Мальчик мой», «пожалуйста», как чужой человек, — весело ворчал Феликс, отодвигая стол в угол комнаты.

— А теперь приподними вон ту широкую доску.

— Как приподнять?

— Очень просто. Поддень топором — она и приподнимется, как миленькая.

Феликс приподнял доску и порядком удивился, увидев, что под полом было заранее расчищено место, сделано какое-то углубление.

— Когда это ты успел? — спросил Феликс.

— Давно еще.

— Ты знал, что все будет именно так, как теперь?

— Разве это обязательно? Важен принцип. Нам нужен был тайник. Вот он у нас и есть.

Рюкзак с трудом запихнули в широкую щель, сверху накрыли доской. Феликс притащил коврик, который был куплен еще до аварии Николаем. Он вспомнил, как долго еще издевался над шефом, мол, зачем тебе этот дурацкий коврик, уж не вздумал ли жениться. И теперь, расстилая его на полу, Феликс подумал, как легко ему живется с этим человеком. Человеком, который словно видит наперед.

Стол был поставлен на прежнее место, в комнате стало намного уютнее. Несколько минут Николай молча смотрел на коврик и совершенно спокойно сказал:

— Давай назад. Убери все и вытащи рюкзак.

— Зачем? — удивился Феликс.

— Не теряй времени, — отрезал Николай.

Феликс как-то недовольно вытащил рюкзак, поднес к кровати, ожидая распоряжений.

— Я думаю, нарушается гармония чисел, — сказал Николай.

— Чего, чего? — спросил Феликс.

— Вытащи десять пачек сторублевых!

— Зачем?

— Вопросы надо было задавать в школе. А здесь выполнять надо. Сто тысяч рублей отвезешь сегодня же в Нинакан и заро-

ешь в брезентовом мешочке под деревом у вас в саду, под ореховым деревом.

— Зачем?

— Заладил, зачем да зачем! На черный день! Но, повторяю, только под ореховым деревом. И чтоб никто не видел. В брезентовом мешочке и поглубже.

— Но ведь я вроде бы нахожусь в Барнауле...

— Не суетись. Слушай меня внимательно. Сто тысяч на черный день. И ты сейчас дашь клятву, что никогда никому не скажешь об этом.

— А кому я могу сказать? И почему ты так ухватился за эти несчастные сто тысяч?

— Они, я тебе сказал, на черный день. Клянись!

— Да клянусь, клянусь. Черт тебя и тот не поймет. Полтора миллиона — в сторону, а заговорил о ста тысячах, словно они важнее всего.

— Еще неизвестно, что важнее.

— Ладно, я сделаю, как ты велишь.

— Под ореховым деревом.

— Под ореховым деревом, — повторил Феликс, — объясни, как быть с женой?

— Скажешь, что подвернулся случай, и ты махнул прямо из Барнаула на денек домой.

— Это с пустыми-то руками?

— С полными. Кстати, ни единым рублем без моего разрешения не пользоваться.

— Деньги-то общие.

— Общие. Только ровно через сутки всей стране будут известны их номера.

— Ясно.

— Это хорошо, что ясно. А теперь забирай три пачки десятирублевых для жены. Ты их заработал, как шабашник, как отходник.

— А номера? А серии? Жена же погорит.

— Не волнуйся. Десятирублевые можно тратить как угодно и сколько угодно. Они уже ходили по рукам. Может, одну из десяток ты давал кассирше, когда покупал рюкзак? А теперь она вернулась к нам.

— А почему же так мало жене? Семья как-никак.

— Вот именно семья. Много — подозрительно. А три куса — норма. Это нужно, чтобы жена поверила, что ты трудишься, не жалея себя, для дома, для семьи. Дело в том, что скоро

мы уедем в длительную командировку. Чего доброго — жена объявит розыск и опишет приметы мужа милиции. Так что вези ей, так сказать, аванс. Так и скажи — аванс.

— А при чем тут эта твоя, как ее, гармония?

— Понимаешь, меня беспокоит, что сторублевых пачек ты взял с бугорком. Пусть в мешке останется ровно сто штук, ровно миллион. Красиво. Ну, разве это не гармония, Индеец Джо. Один миллион ровно, не считая мелочи, которой набирается более пятисот тысяч. Ты знаешь, в раннем детстве я писал стихи, а потом бросил. Сменил профессию...

В понедельник восьмого августа в десять часов пятнадцать минут утра в кабинете прокурора раздался телефонный звонок. Арташесу Суреняну сообщили об ограблении банка. Прокурор спросил, не выдавая волнения: «Жертвы есть?» Ему ответили отрицательно. «Сколько взяли?» Суренян об этом спросил машинально.

Он хорошо понимал, что вряд ли так быстро можно определить похищенную сумму. Необходимо произвести ревизию, и тогда по недостатке определится сумма. Он не спросил, когда совершено преступление: ничуть не сомневался, что для этой цели использовались выходные дни. Лишь коротко бросил, не дождавшись конца доклада: «Выезжаем». Нажал на кнопку коммутатора и, услышав голос Асатряна, повторил: «Выезжаем». Суренян хорошо знал, что Самсон Асатрян не будет его ни о чем расспрашивать: если прокурор сказал «выезжаем», это значит — едут на место преступления втроем. И Самсон позвонил Вардану.

В машине Суренян сообщил лишь о том, что ограбили банк.

— Подробностей никаких, — добавил он, — так что вопросов не задавайте. На месте определимся.

Здание банка было оцеплено. Молодой милиционер, стоявший у дороги, не знал в лицо ни прокурора, ни его двух помощников. Он грубо отказался их пропустить. Долговязый Вардан показал молодому милиционеру удостоверение. Но тот даже не взглянул на документ. «Не велено». Суренян схватил за руку Самсона, который уже полез объясняться с парнем. Прокурор увидел, как навстречу им бежит офицер милиции, издали заметивший их. Не добежав метров десяти, он крикнул милиционеру, чтобы тот пропустил всех троих. Однако Суренян ждал.

— Сейчас же смените этого парня, — строго приказал он запыхавшемуся офицеру.

— Будет сделано, Арташес Оганович.

— А почему не спросите, за что?

— За то, что не пропустил вас.

— Ничего подобного. За это благодарность объявляют. За пренебрежение к предъявленному документу. Учить надо своих подчиненных: когда показывают документ, его берут в руки и читают. Иначе смысла в них нет, в удостоверениях.

— Сейчас, Арташес Оганович, завелась такая прорва документов, и все — красного цвета. Запутаетесь.

— Это другой вопрос. Именно для этого, может, надо прочитать и определиться... Ну да ладно, проведите нас.

В музыкальной комнате было многолюдно. Несмотря на обилие света в комнате, фотограф непрерывно шелкал фотоаппаратом со вспышкой. Кто-то, стоя на коленях, проводил измерения, называл вслух цифры, другой вел записи в блокноте.

Прокурора первым увидел одетый в гражданский костюм седовласый мужчина, который поспешил навстречу.

— Здравствуйте, Арташес Оганович! — сказал он.

— Здравствуйте, Гурген Еремович! Могу себе представить, как тут наследили ваши ребята.

— Милиция следы ищет...

— Не обижайтесь. Опять мы с вами ударимся в амбицию и делу только помешаем. А пока дайте команду прекратить всякие замеры. Фотограф пусть снимает сколько угодно, а остальным — не активничать.

В следующую минуту целая группа, в основном молодых людей, освободила площадку, в центре которой зияла дыра.

— Есть у вас какая-либо версия, Гурген Еремович?

— Уму непостижимо, как преступники вообще пробрались в банк!

— Преступники? А сколько их было?

— Думаю, по крайней мере не один.

— Будьте осторожны с отпечатками пальцев, — сказал Суренян, разглядывая интерьер комнаты, то и дело переводя взгляд на отверстие. — Я не хочу поучать. Если они работали не в перчатках, то будет нетрудно хотя бы определить, сколько их было человек.

— Отчаянные парни.

— Наверное.

Прокурор словно не замечал во время осмотра своих помощников. Он знал, что ребята молча изучают все, что потом ему понадобится. Суренян лишь несколько раз подходил к угловому окну и внимательно оглядывал то крышу, то двор.

Недолго длился осмотр комнаты-сейфа. Суренян сказал при всех:

— А что, собственно, тут изучать? Только глазеть на горы денег. Но это вряд ли интересное занятие. Глазеть на деньги, зная, что они не твои, — под общий хохот завершил он свою тираду, взял под руку седовласого мужчину, отвел его в сторону: — Учти, Гурген Еремович! Слишком много народу собралось в банке. Я думаю, в городе уже знают о случившемся.

— Ну, молву не остановишь.

— Я не о молве, а о том, чтобы нужная или, точнее, ненужная информация не просочилась. Нет смысла, чтобы люди знали, сколько украли, сколько участвовало человек. Работа проделана чистая, и преступников нелегко будет задержать. Значит, нам понадобится самим управлять общественным мнением.

— Здесь нет ни одного лишнего человека.

— Слишком много у вас, значит, излишних. Нам предстоит долгая, кропотливая работа. К вечеру, думаю, выяснится, сколько похищено денег. И тогда будем знать, чего стоит наша с вами работа.

— Если они взяли всего один рубль, то и тогда цены не будет нашей работе, когда мы их задержим...

— Не скажите, Гурген Еремович, не скажите. Рубль — это одно, а больше миллиона — это другое.

— Вы думаете, больше миллиона?

— Я думаю, к вечеру, если не раньше, нам станет известно, сколько всего взяли. И главное, в каких купюрах, с какими сериями, номерами. А измерять параметры дыры в потолке можно и чуть погодя...

Через два часа в кабинете Суреняна началось первое совещание по делу об ограблении банка. За длинным столом сидели друг против друга Самсон Асатрян и Вардан Хачатрян.

— Ну, что скажете, друзья? — спросил Суренян, обращаясь сразу к обоим.

— Их, думаю, сейчас в городе нет, — сказал Асатрян.

— Этот вопрос сейчас не самый главный, — прервал его Суренян. — А что скажет Вардан?

— Самый главный вопрос? Почему Самсон тщательно осматривал все двери в коридоре?

— Он определял, — сказал Суренян, — для чего преступнику нужно было открывать все двери подряд. Ведь тот заранее знал комнату, которая находится над комнатой-сейфом.

— А я, — вставил Самсон, — сразу заметил, что вы, Арташес Оганович, и эта каланча в очках обратили внимание, как я брал на заметку двери третьего этажа. Но зато и я обратил внимание, как вы, но не каланча в очках рассматривали через открытое окно крышу соседнего дома.

— Не только крышу, — сказал Хачатрян, — Арташес Оганович рассматривал и двор тоже.

— Ну, хорошо. Хватит подкалывать друг друга. Лучше скажите, почему я разглядывал двор?

— Я думаю, — сказал Хачатрян, — мой друг, который так много времени уделяет моей персоне, сразу подумал о том, что Арташес Оганович подумал о...

— Слишком много думающих, — перебил Суренян. — Пока, я вижу, лучше всех думал грабитель.

— Почему вы упорно говорите грабитель, а не грабители?

— Потому что в банк вряд ли могли пробраться двое.

— Непонятно, — пришел на помощь другу Варданян.

— А я-то думал, что вы уже обо всем догадались. Кстати, так и не договорили. Так почему я смотрел вниз из окна?

— Думали о том, как пробрался вор в банк. А он, возможно, перелез через крышу, — сказал Вардан.

— Правильно. Значит, сейчас вы оба пойдете к жилому дому, что у банка. Прихватите с собой начальника жэка, поднимитесь на чердак, осмотрите, опишете. Там, думаю, найдете много интересного. А потом под ответственность начальника жэка опечатаете люк, через который пробираются на чердак. Ну, а я смотрел вниз, чтобы определить, что стало бы с грабителем, если бы он упал.

— Разбился бы насмерть.

— Правильно. Это был прямо-таки гимнаст, акробат, если не сказать альпинист. Как по-вашему, мог бы и второй, если бы таковой имелся, так же ловко перепрыгнуть с крыши в окно?

— Почему бы нет? Если один смог, почему не смог бы другой?

— Вот и попробуйте сегодня сами. Оба. Я разрешаю. Поднимитесь сегодня же на крышу, подойдите к краю, примерь-

тес и постарайтесь прыгнуть в окно, которое находится на полметра ниже... Кстати, не вздумайте на самом деле прыгать. Просто посмотрите и убедитесь. Больше ничего. Убедитесь в том, что это мог сделать не просто человек смелый, но и очень натренированный. Человек-кошка. Ну, а много ли бывает в воровской компании своих «суперменов»? Как правило, один.

— Но ведь этот самый человек-кошка должен был знать, что где лежит, — сказал Самсон. — Значит, кто-то навел его.

— Возможно. Вот к главному на сегодня мы и подошли. Взять список всех без исключения сотрудников банка. Сделать выписки из личного дела каждого. Словом, чтобы на всех была краткая характеристика, только написанная не администрацией, а вами лично. Не делать исключения ни для кого, в том числе и для администрации. Работать осторожно. Наводчик, если таковой есть, он, конечно, один. А подозревать практически придется всех. Даже управляющего, даже начальника охраны.

— Начальнику охраны скоро сто лет, — сказал Вардан.

— И уже работает там не меньше ста, — добавил Самсон.

— Вот и хорошо, что вы все понимаете. Значит, надо быть очень осторожным. У нас, между прочим, нет такой статьи, которая запрещала бы привлекать к ответственности столетних. А начальник должен предстать перед судом уже за то, когда затеяли ремонт, не подумал об усилении охраны. Это же надо — открытые окна. Ни рам, ни решеток. Да там не то что через крышу, можно было со двора метнуть лассо с каким-нибудь якорем и, зацепившись за подоконник, подняться по стене. Я это, так сказать, в порядке предположения. Но ведь можно было действительно что-то такое придумать.

— Вот и придумали, — сказал Самсон.

— И вам придется думать да придумывать. Я очень жду результатов вашего похода на чердак. Ну, а все остальное надо уже делать, как положено всей нашей службе. Подключить придется многих. Оперативная группа — примерно человек двадцать, если не больше. Постепенно будут вовлечены другие службы... А теперь идите. Я останусь один. Думать, извините, буду. Что и вам советую. Учтите, поменьше, так сказать, классической криминалистики. Я хочу сказать, чтобы вы не очень надеялись на технические и прочие лабораторные результаты. Побольше думать, думать, ставя себя на место преступников.

— Преступников?

— Да, преступников. Пробрался, может, один. Но действовала, конечно, группа. Мало того, уверен, главным действующим

щим лицом является не тот, кто пролез первым. Вы обратили внимание на валяющийся в груде бетонных обломков детский зонтик? Придуманно гениально, но не тем, кто применил зонтик на практике.

— С чего вы взяли? — удивился Самсон, почему-то глядя на Вардана, а не на своего начальника, по-видимому, догадываясь, что ответ на вопрос тот все равно переадресует другу.

— Как с чего? Очень просто, — начал торопливо Хачатрян. — Значит, так: зонтик нужен для того, чтобы камни не падали с грохотом на пол. Согласен — гениально, потому что — просто. Но почему не мог додуматься до этой мысли тот, кто применил открытие? Скорее всего у него... Ну, как вам сказать, у него...

— У него усы, — сострил Самсон, зная, что замечания не получит.

— Ничего подобного, — ничуть не смутившись, продолжил Хачатрян, — хотя вполне возможно, у него есть усы. Кстати, могли бы поспорить на этот счет с человеком, у которого волосы с затылка выращены, как пшеница, чтобы прикрыть поле, имя которому обыкновенная лысина. Так вот, он не смог бы додуматься, Арташес Оганович, потому что у него...

— Усы...

— Нет. У него другой склад ума. Вот что у него.

— Ничего себе! — растянуто произнес Самсон. — Теория буржуазных юристов. Ты бы еще сказал, что сын вора всегда будет вором. Это же надо — другой склад, другой амбар, другое овощехранилище.

— Тут, Самсон, ты, по-моему, проиграл.

— Насчет усов?

— Насчет усов это вы потом побьетесь об заклад. Это для меня неинтересно. А вот что «склад ума» другой — это верно. Чья-то очень опытная рука... Именно поэтому придется поднять все подобные дела, раскрытые и особенно не раскрытые. Помните, несколько лет назад пытались ограбить ювелирную фабрику? Поднимите и это дело. Чтоб завтра все было у меня на столе!

— Завтра? — одновременно и с явным удивлением выпалили оба.

— Завтра! Я же сказал, что будут подключены еще люди. Список готовит мой заместитель Шаген Айказян. Вы для меня сейчас самые главные действующие лица. В оперативном отношении все остальные подчиняются вам. Завтра... И удивляться не надо. Время не ждет.

— Последнее, Арташес Оганович, — сказал Вардан, — мы тут друг у друга волосы на голове рвем, споря о том, где сейчас находятся преступники. Как, по-вашему, где они сейчас?

— Вам нужен точный адрес?

— Нет, география в общих чертах. Ну, скажем, успели ли они выехать?

— Нет конечно. Они же думающие люди. Зачем сразу же в бега. Опасно и хлопотно, особенно вначале. Надо припрятать деньги, присмотреться, прислушаться. Что же касается более конкретной географии, то мы ее обмозгуем, когда узнаем, какие купюры и вообще сколько денег взято. Да идите же, черти! Марш на чердак! И потом сразу сюда...

Николай лежал поверх одеяла. Он хорошо знал: состояние, которое испытывал он рано утром, когда с Феликсом считали деньги, называется эйфорией. Всего неполных два курса филологического факультета университета, но прочитано так много, что хватило бы на все пять лет учебы. Читал все, что попадалось в руки. Знал, доучиться до конца не сможет, рано или поздно бросит учебу. Мечтал перевестись на какой-нибудь другой факультет, где найдется хотя бы один любимый предмет. Но мечту так и не осуществил. Поехал с другом в Армавир накануне зимней сессии второго курса. Поехал, возможно, специально, чтобы разом покончить с тем, с чем давно собирался порвать. «Учеба не для меня, — часто повторял он друзьям. — Не знаю почему, но я ненавижу преподавателей. Все они самодовольные, тупые. И все с тобой говорят как с ребенком, все поголовно со студентами на “ты”. А я, если не выпил цистерну водки с человеком, не могу, чтобы со мной на “ты”. Не могу, когда кто-то чувствует свое превосходство надо мной. А ассистенты в университете так и норовят показать, что они на ступеньку выше!»

Бросив учебу, Николай стал еще больше читать. И уже не все подряд, что попадало под руку. В основном книги, в которых рассказывалось о характере, о воле, о духе человека, о психических состояниях, которые он испытывает в той или иной ситуации. Так что он хорошо знал термин «эйфория». Знал также, что после возбуждения, как после бурной пьянки, наступает упадок, заторможенное состояние, когда на тебя давит невероятная тяжесть, одолевает безразличие ко всему. Даже к миллиону пятистам двадцати пяти тысячам рублей.

«Хотя нет, — подумал Николай, — трех тысяч уже нет. Отныне деньги будут только таять. Говорят, вода замерзает намного быстрее, чем тает. Масса льда тает медленно, как айсберг. Рюкзак — айсберг. Он вряд ли когда-либо растает. Фраернулись мы с Индейцем Джо. И меньше всего виноват он. Это я ему говорил: бери купюры покрупнее. Но ничего не сказал, чтобы новехоньких не брал. А тут из полутора миллионов — только сто тысяч БУ. Ну, ладно — особых проблем не будет с новыми двадцатипятирублевыми. Не будут же власти из-за такой мелочи всю страну проверять?.. Посложнее — с четвертью миллиона в пятидесятирублевках. Вряд ли у честного человека больше чем два раза в году в кармане оказывается пятидесятирублевая бумажка. С зарплатой редко выдают такие деньги. Но, черт с ними, с пятидесятирублевыми, как-нибудь можно было бы жить и дышать, но сторублевые! Миллион сто тысяч!.. Убить его мало. Гад! Боюсь, я теперь всю жизнь буду презирать моего верного Индейца Джо. Жадность фраера сгубила. Я должен был об этом подумать. Теперь попробуй покажи хоть в захудалом буфете или в московском ресторане сторублевую купюру с проклятой серией, которую не забыть мне никогда. Серия АИ. По всей стране пошли уже шифрограммы, чтобы быть настороже с этой серией. Представляю, сколько человек погорит... Невинный джентльмен вытащит из бумажника бумагу, на которой красивыми буквами написано: «Государственный казначейский билет — 100 рублей», вытащит и тут его — цап за руку. Иди, объясняйся, что ты не верблюд. Одна лишь бумажка. А тут десять тысяч бумажек. Это значит — надо рисковать десять тысяч раз. Можно проскочить один раз, сто раз, тысячу раз, наконец. Но десять тысяч раз... Можно пока жить на полмиллиона. И жить припеваючи. Но я не смогу чувствовать себя нормальным человеком. Зуд меня замучает. С ума сойду, пока не освобожусь от груза. Я не могу быть рабом собственных денег, чтобы, как лисица, облизываться на виноград. Не успокоюсь, пока все до последнего рубля не будет служить мне. Жадность фраера сгубила — это не про меня: Феликса убить мало... И все же молодец Индеец Джо. Он моя рука, моя нога, мои мышцы. Я люблю его...»

Прокурор Арташес Суренян сидел за столом в своем кабинете и что-то чертил на большом листе. Обводя очередную линию, он заглядывал в блокнот и делал записи. Время от време-

ни он нажимал на клавишу коммутатора. «Черти, — бурчал он про себя, — куда запропастились? Наверное, нашли что-то интересное на этом чердаке. Много бы отдал, чтобы одним взглядом взглянуть, как они вместе работают. Если при мне едят друг друга, то что они вытворяют одни. И все же, что они могли найти на чердаке? Я уверен, все началось с чердака...»

...Оба следователя в дверях показались одновременно. Видя, что хозяин кабинета смотрит на них поверх очков, они остановились.

— Вы приказали входить без доклада, — сказал, краснея, Самсон.

Суренян снял очки, выпрямился в кресле и громко сказал:

— Проходите. Я тут начертил угол жилого дома и банка. Размеры дали мне архитекторы. Подойдите поближе.

Следователи быстро обошли стол и через плечо Суреняна стали рассматривать чертеж.

— Слишком близко к углу нарисовано окно, — сказал Самсон.

— И размеры не те, — добавил Вардан, наклонившись над самым столом из-за близорукости, — причем два размера неверны...

— Какие два?

— И расстояние от края окна до угла, и высота между крышей и подоконником.

— А откуда вы знаете?

— Измеряли, — сказал Самсон, — я придерживал за ремень Каланчу, а он мерил.

— Надеюсь, расстояние от окна до угла вы измеряли не со стороны крыши?..

— Он так и хотел, — сказал Самсон. — Держи, говорит, за ноги, а я складным метром. Я вначале подумал, и со стороны крыши можно измерить. Ведь ноги у него длинные.

— Но рук его не хватило, — перебил Вардан.

— Что нашли на чердаке?

— Ничего там нет. Чердак как чердак. Валяются какие-то пустые ящики...

— Так не годится. Читайте вслух записи.

— Значит, так, — начал Вардан, — четыре пустых ящика из-под помидоров или винограда, детские санки, сломанная детская коляска...

— Нет, пожалуй, так не годится. Не бросилось ли вам в глаза что-то необычное?

— Мы осматривали при свете зажженной спички. Ничего такого вроде. Были там пустые бутылки. Так ведь они нынче всюду...

— Ну, хорошо. Будем считать, что чердак нам ничего не дал. Хотя можно считать и по-другому: он дал многое только потому, что ничего не дал. А теперь моя очередь докладывать. Мне сообщили сведения о количестве похищенных денег...

— Миллион пятьсот двадцать пять тысяч, — сказал Самсон.

— А откуда вы знаете?

— Весь банк знает.

— Значит, и весь город!

— А я предупреждал. Ну что ж, поехали дальше. Тут мы ничего не сможем сделать. Это у нас неисправимо. А в каких купюрах? Тоже всем известно?

— Да, к сожалению, — сказал Вардан.

— Собственно, ничего удивительного, — словно оправдываясь за кого-то, сказал Суренян, — деньги считали банковские ревизоры. Правда, в присутствии наших людей, но все же работу вели не наши специалисты. Так что трудно упрекать их за болтливость. Значит, вам неизвестно, сколько денег и какого достоинства. Тогда давайте думать. И думать за грабителей тоже.

— А что думать, Арташес Оганович, — сказал Самсон, — люди могут без боязни тратить, по крайней мере, около четверти миллиона...

— Верно. Ну, а дальше?

— А дальше, — сказал Вардан, — дальше они должны разменивать крупные купюры на мелкие.

— Верно, но не совсем. Будете ли вы менять сторублевые купюры на более мелкие, если вам известно, что номера записаны и разосланы повсюду? Думаю, не будете. А что же тогда?

— Все-таки пытаться менять.

— Опять верно. Но как? Что надо сделать, чтобы разменять одну бумажку? Две практически невозможно предъявить ни в каком магазине. Разве не так?

— Так, — сказал Самсон.

— Так, — повторил Вардан и добавил: — Не всякую кассиршу упросишь разменять сто рублей. В сберкассе вряд ли разменяют — там не до этого... В банке опасно...

— Вот и нашли ответ, — довольный своими помощниками, сказал Суренян.

— Как нашли? — удивился Самсон.

— Очень просто — сберкасса. Преступники будут менять в ней сторублевые бумажки на облигации трехпроцентного

займа. Точнее, будут покупать их. Тут двойная выгода. С одной стороны, трехпроцентные облигации — те же живые деньги, с другой — можно припеваючи жить на одних только выигрышах.

— Мне думается, — сказал Вардан, — они надолго уйдут в подполье. Подождут год-два, а то и больше, и вылезут на поверхность.

— Логично, — сказал Суренян, — только мне кажется, так преступники не поступят, потому что слишком молоды. Ни опыта, ни мудрости — одна лишь энергия. Уверен, они уже начали тратить деньги, бывшие в употреблении.

— Может, вы, Арташес Оганович, и возраст преступников укажете? — спросил Самсон.

— А цвет волос не хочешь? — ответил вместо начальника Вардан.

— А что? Цвет волос не скажу, хотя идеальные криминалисты давно бы уже нашли на месте преступления парочку-другую волосинок. Как-никак преступник трудился несколько часов, потел, вытирал лицо, чесал голову. Но идеальных криминалистов не бывает. А вот возраст скажу: между двадцати пятью и тридцатью. Среднее составляет где-то около двадцати семи-двадцати восьми.

— Если так и окажется, Арташес Оганович, — сказал Вардан, — я про вас песню сложу. В школе стихи писал.

— Ты сначала найди их, поэт!

— Найдем, — уверенно сказал Суренян.

— И все-таки, как вы определили возраст?

— Человек, которому старше тридцати, вряд ли сумел бы, даже вряд ли осмелился бы совершить такой опасный переход над пропастью. Этого не сделал бы, кстати, и слишком опытный человек. Опыт обычно отрезвляет человека. Так что — это молодые люди, во-первых. Не имеющие большого жизненного и профессионального опыта, — во-вторых.

— В каком смысле, профессионального? — спросил Самсон.

— Ну, воровать они, конечно, воровали не раз. Но вот, судя по всему, не попадались. Словом, они, как мне кажется, не судились. Но не будем торопить время, скоро получим данные об отпечатках пальцев, о самом почерке ограбления и все такое прочее. И тогда кое-что прояснится.

— Ничего не прояснится, Арташес Оганович! — вставил Самсон. — Отпечатков пальцев не будет, волос тем более, да и почерк... Какой уж там почерк — перелететь с крыши на крышу...

— Учитесь, товарищ Хачатрян, у своего коллеги. Смотрите, как он логически излагает свою мысль, и главное, какой милый рождественский пессимизм. Однако шутки в сторону. В целом я согласен с мнением следователя Асатряна. Особой информации для размышления мы не получим. Но мы должны делать свое дело. Преступников должны найти мы. Обезвредить, вернуть деньги государству, наказать виновных. Что же касается почерка, то я не совсем согласен с товарищем Асатряном, — Суренян посмотрел на часы и продолжил, — преступники вряд ли с самого начала решили использовать переход с крыши на подоконник.

— Но ведь они именно так и сделали.

— Как, по-вашему, сколько бы времени потребовалось, чтобы с такой, я бы сказал, грамотностью подготовиться к операции, чтобы ее разработать?

— Месяца два, — сказал Асатрян.

— Если не больше, — добавил Хачатрян, поправляя очки.

— А когда сняли решетки с окон?

— Три дня назад, — ответил Вардан, — то есть, три дня, если считать с пятницы... С пятого августа... Если вычсть два выходных дня.

— Чего ты в трех соснах путаешься? — набросился на коллегу Самсон. — «Три дня», «если вычсть». Решетки сняли второго августа, и всё тут.

— А когда было совершено преступление? — спросил Суренян.

— Пятого, — ответил Самсон, — или, вернее, с пятого на шестое.

— С пятого на десятое, — передразнил Вардан.

— Ну, а почему, кстати, не с шестого на седьмое, то есть, не с субботы на воскресенье?.. Ладно, это другой вопрос. Нас сейчас интересуют решетки. Выходит, их сняли чуть ли не накануне преступления. А как же с мнением, что они должны были готовиться месяцами? Чердак у меня не случайно не выходит из головы. Если они думали действовать через чердак, то похожий почерк можно подобрать. Надеюсь, вы подняли дело об ограблении ювелирной?

— Да, конечно. Завтра оно будет у вас на столе.

В середине сентября к Николаю из Москвы приехала Люба Кузнецова. Он ей не звонил, не давал телеграммы, а отправил в

столицу Индейца Джо, который и передал Любе просьбу отправиться за Николаем и привезти его, больного, в Москву. Самолетом, мол, врачи запретили, нужно поездом. «В знак любви, — сказал ей Феликс, — он просил передать золотой браслет». Еще он сказал, что Николай выиграл огромную сумму в карты.

И вот теперь Люба с Николаем готовились к поездке. Он щедро оплачивал все ее покупки, устроил в гостиницу. Зачем вызывать недовольство у хозяйки, вечно ворчащей старухи? Сколько ей ни плати — не дождешься улыбки на лице, все чем-то недовольна. В последнюю ночь Николай ночевал дома. Он положил чемодан под кровать и лег спать сразу после программы «Время». Любе наказал, чтобы не выходила из гостиничного номера. Мало ли что может случиться: пристанет кто — хлопот не оберешься. Друзей еще два дня назад предупредил: ночью уезжает в Москву. Никто не знал, что он в ту ночь еще находился в городе. В ту последнюю ночь.

Сон не шел. Николай ворочался в постели. Почему-то не выходил из головы Завен Багдасян, молодой сотрудник банка. Наводчик.

Николай не мог забыть их последнюю встречу. Через два дня после того, как весь город узнал об ограблении банка, Завен заявился к Николаю в больницу. Выпроводив всяческими хитростями из палаты Карине и Семена Хлебникова, Завен напрямик спросил Николая:

- Где моя доля?
- Ты о чем?
- О банке.
- О каком банке?
- О котором говорит весь город.
- Ну, а я тут при чем? Ты что, не знаешь, что я болею и лежу здесь.
- Ограбление произошло точно так, как я планировал...
- Вот и сходи в милицию. А еще лучше — в прокуратуру. Такими вопросами она занимается. Это я точно знаю.
- И я точно знаю, что банк брал ты.
- Я тебя за клевету могу прибить.
- Ты обещал дать мне долю.
- Ты что-то путаешь.
- Я тебе называл сумму.
- Какую еще сумму?
- Сорок тысяч рублей.

— Ну а почему, кстати, сорок. Почему, скажем, не тридцать или не пятьдесят?

— Я хочу сорок.

— А я хочу королеву Испании.

— Это нечестно.

— Если бы я даже ограбил банк, не дал бы тебе ни копейки. Можешь жаловаться. Советую — в прокуратуру. Кстати, не забудь сказать, что ты — недавний выпускник института народного хозяйства, невесть каким образом сразу же после окончания вуза устроившийся на работу в банк. Вместо того чтобы, как все, трудиться на стройке, на производстве, в отдаленных районах, почему-то оказался в банке. Не забудь сказать, что ты сам предложил свои услуги группе воров: выдал план банка, местонахождение кассы. Не забудь сказать, сколько людей сидели тогда за пьяным столом. А потом выкручивайся. Доказывай, что не ты совершил ограбление. А что ты профессиональный вор, я сам скажу. Как-никак грабили кассу вашего института.

— Кассу мы не ограбили.

— Я сказал — грабили. Ты наводил, но ничего не вышло, сорвалось.

— Кто тебе поверит?

— Прокурор поверит. Я ему во всех подробностях опишу местонахождение кассы. Скажу, в какие дни месяца приносят зарплату, в какие — стипендию. Я же не мог без тебя знать об этом. По твоей наводке банк брал кто-то другой. Или ты сам. А сорока тысяч рублей у меня нет. Нет даже сорока копеек...

Николай вспоминал диалог с наводчиком и терялся в догадках, мучился сомнениями. «Наверняка сейчас каждый работник банка находится под прицелом ищек, — рассуждал он. — И если призадуматься, то больше всего подозрений может пасть на Завена. Без году неделя работает, а уже имеет доступ к деньгам. Легко определится круг его знакомых — саритагские воришки. Возьмут его на пушку, и проболтается. Хотя вряд ли. Он сейчас молится за нас, за меня и Индейца Джо только чтобы мы не провалились. И с повинной не пойдет. Во-первых, прошло слишком много времени. Спросят, а где раньше были? Во-вторых, лучше надеяться на везение, чем идти на верный срок в любом случае. Денег, конечно, я бы ему дал. Подумаешь, сорок тысяч. Тем более, по идее, он заслужил. Но он не только вор. До мозга костей предатель. Профессиональный предатель. Человек, предавший свою службу, предавший банк,

в котором работал, непременно предаст и нас. Возьмет сорок тысяч, потеряет покой, потеряет заодно и рассудок. Возьмет эти деньги и — напрямик к прокурору. Тут, глядишь, и впрямь могут простить. Он именно для этого и просил деньги. Он знает: погорю я, значит — крышка. Расстрел. Значит, можно не бояться возмездия. Мертвые не мстят... Но меня лично вряд ли поставят к стенке. Я находился в больнице... Бедный Феликс! Бедный мой Индеец Джо!..»

На следующий день Люба Кузнецова, заказав в гостинице такси, приехала к Николаю за час до отправления поезда. Николай с чемоданом уже стоял на улице. Не без труда он поднял его, и сам же пристроил в багажнике. Ехали молча. Николай думал о новеньком чемодане, который жалко было класть в грязный, как мусорный ящик, багажник, и с брезгливостью смотрел в затылок водителю. Вспомнил он, как заказывал железный ящик, как ровно через неделю саритагский железных дел мастер отдал ему симпатичный ящичек со специальным замком. Вспомнил еще, как долго искал в магазинах чемодан соответствующего размера, куда можно было бы вложить железный ящик. И чтобы чемодан был с «молнией». «Так надо, — говорил он сам себе, — я отказался от самолета — мало ли что! Но и поезд — не собственная крепость. Да и проверять могут нынче всех подозрительных. Правда, Люба своей внешностью отводит все подозрения. Она, бедняжка, даже не знает, что прикрывает меня... Я умею за все платить. Я отплачу...» Николай обнял Любу, которая ласково прижалась к нему.

— Люба, пусть носильщик отнесет чемодан и твою сумку до вагона, а я поищу жратвы на дороге, — предложил он, подзывая носильщика.

Люба молча согласилась и медленно зашагала за тележкой. Николай не пошел за «жратвой». Он решил наблюдать за тележкой — не будет ли хвоста. А когда и впрямь за носильщиком пошел сначала сержант, а через десяток шагов — капитан милиции, у него затуманились глаза.

Николай предусмотрел и такой вариант: на всякий случай накануне купил два авиабилета. Один в Новосибирск, другой — в Ташкент. Города он не выбирал, просто встал за билетами в кассу, где меньше людей. Билеты намеревался порвать тотчас же, как только поезд тронется... Но надо было все проверить, разузнать. Николай пробрался в вагон через противоположный тамбур. Осторожно протискивался по коридору, стараясь не вызывать подозрения у проводницы и не попасться

Любе на глаза. Удрать всегда можно успеть. Главное, чтобы его не увидела Люба.

Как только носильщик пыхтя втащил чемодан в тамбур, капитан милиции подошел к Любе, отдал честь и попросил предъявить документы. Люба достала паспорт.

— Первый раз вижу, чтобы на железной дороге проверяли документы.

— Всякое бывает, девушка, — сказал капитан, — что у вас в чемодане, уж больно тяжелый?

— Это не мой чемодан.

— Интересно. Вы бы еще сказали — «это не моя чемодан», вернее, пропели бы.

— А зачем? Я хорошо знаю грамматику русского языка.

— Граматику и я знаю. И русский не хуже вашего знаю — сам, как видите, рыжий. Просто песня есть такая — «это не моя чемодан!» Правда, сержант? — Капитан позвал сержанта милиции.

— Песню не знаю, но чемодан, конечно, подозрительный, — поддержал капитана сержант.

— Так чей же чемодан, если не ваш?

— Моего друга.

— Ах, друга!

— Вы почему говорите с издевкой? Да, друга. Он пошел купить еды на дорогу.

— Ну, конечно, еды. А в чемодане, небось, соль везете.

— Почему соль?

— Соль очень тяжелая.

— Не только соль тяжелая, — отпарировала Люба, тяжелым бывает и свинец...

— И золото.

— И золото тоже.

Весь этот странный диалог Николай слушал, стоя в двух шагах у окна в узком коридоре спального вагона. Люди проходили с вещами и чуть ли не каждый делал ему замечание: встал, мол, на самой дороге. А Николай слышал только голоса капитана и Любы. Когда заговорили про соль и свинец, он понял, что милиция о банковских деньгах и не подозревает. Он сделал два резких шага, притворяясь запыхавшимся, и выпалил:

— Что случилось? Это мой чемодан.

— А, вот и хозяин объявился! — сказал капитан. — Ну, что купили на завтрак?

— Купишь здесь у вас.

— У кого это, «у вас»?

— У вас, у кого же. Вы, транспортная милиция, тоже в ответе за все, что происходит на дороге.

— Однако, субчик. Ты лучше скажи, что в чемодане?

— А у меня, собственно, и нет чемодана, — сказал уверенно Николай. — Это не чемодан, а чехол от магнитофона.

— Сержант, проверь, что говорит этот субчик, — приказал капитан.

Пока сержант проверял, Николай, не выдавая волнения, подошел к капитану и сказал ему шепотом:

— Не надо меня оскорблять при даме. Если нужно, возьмите чемодан, разбейте маг об асфальт перрона, но не оскорбляйте. Невеста как-никак.

— Кажется, он прав, товарищ капитан, — сказал сержант, — действительно — магнитофон. В железном ящике, как обычно сейчас бывает.

— Проверить надо. Мы как раз получили данные, что украли магнитофон. Так что давайте в отделение, там разберемся.

— Товарищ капитан, — Николай взял его под руку и повел в угол тамбура, — магнитофон отцовский. Грех на душу берете. Позорите меня при невесте. Возьмите вот пять рублей, и дело с концом.

Капитан «подозвал сержанта и так же тихо, как Николай, сказал тому:

— Нет, ты посмотри на этого субъекта. Издевается. Хочет отделаться пятью рублями.

Николай с показной наглостью достал из кармана сторублевую купюру с серией АИ и сказал:

— Вот все мое богатство. Разменяйте, возьмите себе, сколько полагается, но оставьте мне столько, чтобы хватило не подохнуть с голоду до Москвы.

Капитан приказал сержанту сопровождать пассажира до ближайшего киоска или ларька и разменять деньги.

Николай передал продавщице «Союзпечати» купюру с серией АИ, получив взамен десять десяток. На обратном пути он сунул в карман сержанту три червонца, а через минуту махал им обоим из открытого окна вагона. Состав медленно плыл по перрону, набирая с каждой секундой скорость. «Нет, я не ошибся. Первая купюра, уверен, останется незамеченной. А если и обнаружат — это только мне на руку. Нас будут искать в городе. Практически невозможно будет добраться до капитана и сержанта. А доберутся — те не дураки, промолчат. И еще:

Индеец Джо сказал, что стена из «кирпичиков» со сторублевками была неровной. Значит, накануне такая же серия пошла в дело, в люди вышла...»

— О чем ты задумался, Коля? — спросила Люба, устраиваясь у окна.

— О тебе, — Николай засмеялся.

— Ой, ли! — поддержала его тон Люба и тоже засмеялась. — Я впервые еду в мягком вагоне.

— Я тоже.

— Хорошо все-таки. Купе на двоих. Умывальник под боком. Почему не все вагоны такие?

— Тогда тебе захочется ехать уже в одноместном купе. Нет уж. В жизни всегда должны быть общие вагоны и «телятники» тоже. Только тогда можно оценить вагон, в котором мы едем. Все познается в сравнении. Сытость не оценишь без голода. Богатство — без бедности.

— Индеец Джо сказал, что ты выиграл в карты крупную сумму.

— Он прав. Но почему ты об этом только сейчас спрашиваешь? Уже три дня вместе.

— Жалко было портить хорошие дни разговорами о деньгах.

— Ты молодец, Люба. Кстати, как твой муж?

— А почему, кстати?

— Потому, что я в эту минуту думал о тебе, как о женщине.

— Ну, а почему именно в эту минуту?

— В эту минуту ты была особенно хороша. Ты сказала, что не хочешь портить наши дни.

— Муж все еще сидит. Пишет, что у него опять открылась язва. Не будем о нем.

— Не будем, Люба.

— И все-таки о деньгах.

— Я выиграл крупную сумму и попал в беду.

— Парадокс.

— Все они одной масти.

— Кто?

— Деньги. Сторублевые купюры, и все новехонькие, одной серии. Я боюсь, краденые. Так что придется покупать на них золотой заем.

— Ну и купишь. Подумаешь, делов.

— Не так-то все просто. В сберкассах будут проверять не так серии купюр, как присматриваться к ромам тех, кто будет

приносить деньги. Если у владельца кавказские черты — подозрение. Нет — значит, никому и в голову не придет посмотреть на серию.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего я не предлагаю. Надо в Москве найти парня с истинно русской физиономией и дать ему подзаработать.

— А чего тебе далеко ходить? Брат мой, да ты его знаешь, таксистом работает — с него можно портреты славянских героев писать.

— Что сейчас об этом говорить, доберемся — посмотрим. А пока надо сварганить чего-нибудь пожевать. Я же не смог на вокзале ничего достать.

— А ты и не искал.

Две недели Суренян ждал своих помощников, отправившихся в различные города страны. И вот, наконец, оба у него в кабинете, докладывают о командировках. Суренян обратил внимание, что друзья стали уж больно какие-то серьезные.

— Не поссорились ли из-за чего или кого-либо? — спросил он, стараясь придать начавшейся беседе привычный тон.

— Да какое там! — сказал Вардан.

— Мы вчера весь вечер делились своими впечатлениями и словно никуда не ездили. В милиции давно уже забыли об ограблении банка, в сберкассах и слухом не слыхали. Мы отдавали в окошко наши сторублевые купюры с серией АН — и хоть бы что. Даже голову не поднимет деваха, — Самсон махнул рукой.

— Мы так их никогда не найдем, — сказал Вардан, — а ведь в городе не прекращается болтовня вокруг этого дела.

— Ну, а как вы думали? Люди — они всегда люди. Должны и болтать тоже. Банк ограбили.

— Так ведь не просто так болтают. Одни говорят, что это сделала милиция совместно с руководством банка. Другие пустили слух, что грабителей давно поймали, а деньги поделили между собой прокуроры и воры.

— Не понимаю, две недели ездили по стране, а приехали и рассказываете о том, что болтают в нашем городе. Ближе к делу...

— Никакого дела нет, Арташес Оганович... — твердо сказал Вардан.

— Я тоже так думаю, — поддержал друга Самсон.

— Не понимаю. Может, вы самоустраняетесь от работы? Если так, милости просим. А настроением своим не давите на меня... Вы уверены, что нигде никакой проверки не ведется? Хорошо, не будем попусту надеяться. Мы сами должны организовать проверку.

— По всем сберкассам страны?

— Зачем по всем? Преступники уже в Москве. И давно.

— Откуда вы знаете? — спросил Вардан.

— Ничего я не знаю. Я предполагаю. Они сначала поехали куда-то на периферию, поменяли деньги, убедились, что ничего опасного нет. И обосновались в Москве. Могу вас заверить: где-то на Камчатке они бы давно погорели. А московские службы уверены, что преступники не осмелятся объявиться в столице. Об этом знают и грабители. Да и школьники теперь знают, что оружие или типографию надежнее всего прятать в доме жандарма. Меньше подозрений. Вот по принципу «меньше подозрений» они и действуют. У нас нет другого выхода. Эксперты не выявили новых сведений. Администрация банка дала такие характеристики на сотрудников, словно хотела всех представить к награде.

— Мы не ноем, — сказал Самсон Асатрян, — просто обидно. Так надеялись...

— И будем надеяться. Сейчас — самое время. С момента ограбления прошло десять месяцев. Мы не продвинулись ни на шаг, но в то же время немало сделано. Преступники, когда шли на дело, перешли психологический барьер. Им это удалось. А что в таких случаях приходит к человеку?

— Уверенность, — ответил Вардан.

— Верно. Уверенность. Кто из вас прыгал с парашютом?

— Могу себе представить Вардана под куполом. Его, как пушинку, отнесет в Турцию.

— Ты бы лучше подумал о себе, — отпарировал Вардан. — Под куполом твоя прическа растреплется, а все, что отрастил на затылке, превратится в конский хвост.

— Грубо, — сказал Суренян, — но уже хорошо. Значит с парашютом не прыгали? Удивляюсь нынешнему поколению. Ничего не видели, ничего не прочувствовали. И главное, не хотят. Весь наш десятый класс прыгал с парашютом. Это было после войны. Мы сами рвались, так сказать, наверх. И нам устроили такие курсы. Я совершил шесть прыжков. Но помню хорошо только первый. Как только коснулся ногами земли, захотелось одного — опять наверх. Пройден был тот самый пси-

хологический барьер. И когда читаю, что кто-то совершил тысячу прыжков, ничуть не удивляюсь. Мои шесть — это та же бесконечность.

— Но ведь в тысяче риска больше, — сказал Самсон.

— Согласен. Но каждый раз, кроме первого прыжка — состояние одно: давно пройден психологический барьер. Человека не покидает уверенность, надежность. А это, если хотите, опасно. Такое состояние притупляет внимание. Десять месяцев молодые парни кутят...

— Кутят?

— Непременно кутят. Они теперь уже не одни. Вряд ли они осмелятся со своими кавказскими физиономиями рыскать по сберкассам. Значит, привлекли для своего предприятия блондинов и блондинок.

— Ну, а почему все-таки Москва? — спросил Вардан.

— Пусть на этот вопрос ответит товарищ Асатрян.

— Потому, — с ходу начал Самсон, — потому...

— Вот именно потому, — перебил его Вардан, — хоть бы малость подумал, для приличия, а уж потом говорил.

— Потому, — не обращая внимания на реплику друга, продолжил Самсон, — что «подозрений меньше»...

— Об этом уже говорил Арташес Оганович...

— А я хочу добавить. Раз не проверяют серии денег, то удобнее всего сбыть сторубливки в восьмимиллионном городе. Там и суеты больше, и сберкасс больше. Не будешь же ходить каждый раз в одну и ту же сберкассу.

— Учитесь, товарищ Хачатрян, — сказал Суренян.

— Это потому, что у него друг талантливый.

— Итак, я вас командирую в Москву. С пустыми руками не возвращаться. Все хвастаетесь. Вот и возьмите с собой ваши таланты, думаю, груз будет не ахти какой. И выпишите в банке столько сторублевых купюр с серией АИ, сколько в Москве и Московской области сберегательных касс.

— Вот это командировка! — сказал Вардан.

— Во кутнем! — вставил Самсон.

— Кутнете. Непременно кутнете на два рубля шестьдесят копеек в день. Деньги будете давать в сберкассу на обмен и каждый раз, если вас, конечно, не изобличат, вести с работниками...

— С работницами...

— Ладно, с работницами, — согласился Суренян — разъяснительную работу. Они должны уяснить самое главное — со

сторублевками подозревать всех, так сказать, невзирая на лица в буквальном смысле слова.

Николай не мог остановиться у Любы. Невозможно чуть ли не каждый день при ней и при ее брате Вадиме Кузнецове открывать железный ящик и подвергать их соблазну. В другом районе столицы на Краснопресненской улице не без помощи Вадима он нанял комнату у одинокой старой женщины. Так было удобнее и надежнее. Феликс ночевал у Вадима, который жил с сестрой в двухкомнатной квартире на «Филевской». И такая арифметика общежития была выгодна Николаю. Он всех легко мог собрать вместе.

На второй день по прибытии в Москву Николай спросил у изрядно подвыпившего Кузнецова:

— Где ты работаешь?

— Я тебе сто раз говорила, что он таксист, — ответила за брата Люба.

— Я понимаю. Я хочу знать, на каком предприятии? Передовое оно или нет? Сколько там этих, ударников?

— Хоть пруд пруди, — сказал Вадим.

— Это плохо.

— Не понимаю.

— Если ты оставишь работу, тебя начнут перевоспитывать, глядишь, и на дом заявятся...

— Ты это к чему, Коля? — спросила Люба.

— Я думаю, делом надо заниматься. Сколько ты, Вадим, зарабатываешь в день чаевых?

— Ну, где-то рубликов шесть в среднем. Бывает больше, бывает меньше.

— Я тебе буду платить вдвое больше. И тоже в среднем. Когда больше, когда меньше.

— Не понимаю, — сказал Кузнецов, поглаживая пшеничные усы.

— И я не понимаю, — вновь влезла в разговор мужчин Люба, обнимая брата сзади и прижимаясь к нему щекой.

Николай неожиданно поймал себя на мысли, что ревнует эту красивую женщину с пышными, как у брата, светлыми волосами и такими же большими синими глазами.

— А тут понимать нечего. Чего парню ищачить с утра до вечера, возить грубых раздраженных гостей столицы, пьяных пассажиров, загулявших до полуночи любовников и любов-

ниц. Если уж мы решили заняться делом, то нужна своя машина, свой шофер.

— А где взять машину? — спросила Люба.

— На базаре.

— Как на базаре?

— Очень просто. На базаре продают не только сушеные грибы и семечки да квашеную капусту. Есть базар, где торгуют автомашинами. Завтра же купим. Лучше всего, легче всего и удобнее всего — «Жигули».

На следующий день Николай и Вадим с утра отправились за первой своей крупной покупкой. Оформили за семь тысяч, а заплатили тринадцать новыми двадцатипятирублевыми купюрами и старыми десятками. Оформили все как положено — комар носа не подточит.

Николай не рисковал начинать обмен денег на трехпроцентный заем. По его просьбе Люба нашла двух подруг — чтобы никто из парней не остался в одиночестве. И вшестером вылетели в Ташкент. В центральной гостинице взяли два трехместных номера. Два дня пьянствовали, на третий Вадим с утра отправился в сберкассу с конвертом, в котором было всего десять сотенок. Деньги предварительно помяли. Придали им вид бывших в употреблении. Николай и Феликс ждали у входа в сберкассу.

— Если проскочит, — сказал Николай своему другу, — значит, мы напрасно боялись.

— Проскочит, — улыбаясь сказал Феликс, — делать, что ли, нечего людям — проверять какую-то несчастную серию.

— Тогда еще гульнем и — в Москву. Надо будет и там попробовать. Я люблю Москву.

— А я — Нинакан.

— Обменяем все — тогда и поедешь в свой Нинакан.

— Я не против. Только чувствую себя не у дел. Работа не по мне: сидеть с бабами каждый вечер и смеяться со всеми, когда тебе не смешно.

— А почему тебе не смешно?

— Мне непонятно, над чем они смеются. Расскажут анекдот — и хоть и непонятно, а вынужден хохотать со всеми.

Николай громко засмеялся. Он не мог остановиться, чувствуя, что захлебывается. Закашлялся. Феликс начал дубасить его по спине. Неожиданно Николай умолк, отдернувшись в сторону.

— Ты, что, болван, спина же. Забыл?

— Забыл конечно, — виновато сказал Феликс, — не бил бы, если бы помнил. Понятное дело.

— Помнить надо всегда. Это теперь у меня навеки.

— Что навеки?

— Шрам на спине, — сказал Николай и, завидя Вадима, беспечно выходящего из дверей, пошел навстречу.

— Порядок, — тихо сказал Кузнецов.

Еще много раз Вадим Кузнецов произносил слово «порядок», выходя из помещения очередной сберкассы Ташкента, где они поменяли в общей сложности двадцать тысяч рублей.

— Едем в Москву! — скомандовал Николай. — Там и климат лучше, и тубетеек меньше, и время московское.

...И в городе, где местное время — только московское, преступники безнаказанно обменяли еще сто тысяч рублей. Николай уже не задумывался, как поискуснее заговаривать зубы кассиршам. Раньше приходилось придумывать всякие сцены: «Привет, девушки, — восклицал Кузнецов, просунув голову в окошко кассы, — помогите строителю БАМа избавиться от денег, которые не годятся, чтобы купить мороженое. Все отмахиваются». Или: «Поехали, девушка, со мной на Север. Там, на льдине, я открою специально для тебя сберкассу». Фразы придумывал Николай. Вадиму оставалось только заучивать их наизусть. Убедившись, что нигде не обращают внимания на серию АИ, Николай, чтобы вовсе снять подозрение, иногда давал Кузнецову вместе с сотенными пятидесятирублевые и двадцатипятирублевые бумажки. Подобное сочетание действительно начисто исключало всяческие подозрения.

С тысячи рублей перешли на две тысячи. Обошлось. Решили перейти на три тысячи — иначе конца не видно. А Николай торопился. Голова шла кругом. Тысяча проблем. Еще месяц-другой — и «неудобные» деньги станут безопасными. А ведь надо решать еще проблему Любы и Вадима. С ними, правда, такой уж особой проблемы и нет. «Они ни на минуту не сомневаются, что я выиграл в карты, — рассуждал Николай, — у них у самих рыльце в пушку. Не выдадут. Шантажировать не дам — опережу их, сам время от времени буду шантажировать. Да и понадобятся они мне еще. Другое дело Феликс. Мой бедный Индеец Джо. Совсем скис, хандрит. Не захочет — все равно невольно выдаст: проболтается, раскроется, потратит деньги безмозглым образом. Погорит не сейчас, так потом. А я должен думать и о том, что будет потом. Нужно купить диплом юриста. Может, за пять тысяч трудно достать такой диплом, за

десять — нелегко, но за сто тысяч можно купить и красный диплом. Не пожалею денег и на продвижение по служебной лестнице. Никто не уличит в отсутствии специальных знаний. Я прочитал много книжек и читаю еще больше. И буду в органах. Накрою парочку «малин» и меня заметят. А там откроется дорога в группу, которая работает над раскрытием преступления, имя которому — ограбление банка. Поиздеваюсь над этой группой, буду сам себя искать. Я приближу моих «коллег» к моменту, когда все уже будет раскрыто, потом они запутаются, как путается размотанный клубок ниток. Я буду стоять перед зеркалом и сам с собой разговаривать, допрашивать себя самого. И Феликса. Феликс! Беда с тобой. Что-то надо придумать. Ты прости, но другого выхода нет. Ты уже сейчас хандришь. Кому-то захочется проверить, где ты именно шабашничал — и мы погорим. И если ты даже не проболтаешься, то все равно меня накроют. Родственники назовут меня, покажут фотографию. А там и до матери доберутся, расспросят. И мать скажет, что сынок привез ей где-то в конце августа две тысячи рублей, которые заработал в бригаде шабашников. Столько же передал сестре. Шесть тысяч потратил на могилу отца. Повез мать, старую, больную, в Москву, показал врачам. Там, в Москве, девица у него есть, такая красивая и такая беленькая! И живет она на «Филевской»... И мама все расскажет, думая, что помогает сыну... И все это пойдет от Феликса, который если не продаст, — а он и впрямь не продаст и не выдаст меня, то все равно наделает делов. Так что мне ничего другого не остается, как убрать тебя, Индеец Джо. Я не столкну тебя с поезда — ты все равно сделаешь сальто и встанешь на ноги, как кошка. Из пистолета — шуму много. Ножом — непременно выживешь. Только — отравление. Ходят тут, бродят какие-то мужики из санэпидстанции. Предлагают услуги — выводить мышей да тараканов. А чем человек не мышь, не таракан. Существа живые: и люди, и мыши с тараканами. И яд для них один, общий. Видит бог, я этого не хочу. И, видит бог, иначе я не могу. И времени уже нет. Колесо фортуны вертится. Покупаем золотой заем уже на три тысячи. Надо попробовать дать и больше. Необходимо торопить время. Мое время...»

...В тот день Вадим Кузнецов повез с собой шесть тысяч рублей. Он привычно вошел в сберкассу, бросил с ходу какую-то байку о северных льготах и попросил облигации трехпроцентного займа. На шесть тысяч.

Кассирша молча взяла деньги. Так же молча стала считать двадцатирублевые облигации. Насчитала три тысячи и, переводя взгляд на посетителя, спокойно сказала:

— Давно такого богатого клиента не было. Аж кассу опустошил. Так что погоди, милоч, принесу еще три тысячи.

— А откуда?

— Как откуда? Откуда надо! Из сейфа конечно.

— Ну, давай, а то меня такси ждет.

— При таких деньгах думать о такси. Я мигом...

Кузнецов ждал, облокотившись на деревянную стойку, то и дело влезая по пояс в окно кассы. От прежнего нагловатого спокойствия не осталось и следа. Никак не мог сладить с невесть откуда нахлынувшей дрожью, которая катилась по всему телу. Не отдавая себе отчета, он резко оттолкнулся от стойки и выскочил из сберкассы.

Известие об осечке Николай принял совершенно спокойно. Только приказал Любе съездить на такси к той самой сберкассе и определить обстановку. Он несколько раз произносил слово «осечка». «Только не провал, — думал он, — только осечка. Иначе Вадима схватили бы на месте. Нет, это не провал. Это — осечка. Парень сглупил, струсил. Должен был дожждаться. Провала не должно быть. Я все учел...» Николай не мог учесть лишь того, что накануне двое следователей обошли все сберкассы Москвы и Московкой области. И каково было бы его удивление, если бы он узнал, что следователи приехали из города, где было совершено ограбление банка. Не мог он знать и того, что следователи ездили по сберкассам в сопровождении своих московских коллег и покупали сторублевыми купюрами облигации трехпроцентного займа. Приезжие следователи специально отрастили усы и бороды, чтобы, как говорил их шеф Суренян, на лбу было написано — «кавказец». Николай продолжал верить, что произошла ошибка. И уж совсем успокоился, когда вернулась Люба. Она с порога подмигнула Николаю и бросила ему любимое слово брата — «порядок». Это означало, что в сберкассе нет никакого шухера, то бишь — шума. И вообще, ничего подозрительного она не видела. Мало того: зашла внутрь, прислушалась — ничего похожего. Рассказала и о том, что когда выходила, встретила двух небритых бичей. Один коротышка, второй долговязый, в очках. Запомнила их, потому что оба были мятые, словно с поезда. И еще потому, что говорили друг с другом по-армянски. «А некоторые слова, слава Богу, я знаю, — завершила Люба, — слышались тут с вами».

- Они были только вдвоем? — спросил Николай.
  - Кажется. А почему ты спрашиваешь?
  - Ты мне толком не ответила на вопрос.
  - Я думаю, вдвоем. Хотя за ними вплотную шел еще один.
- Но тот не был на них похож. Да и одет, не как они.
- Мы завтра выезжаем, — сказал Николай.
  - Как выезжаем? — удивилась Люба.
  - Куда выезжаем? — добавил, не дождавшись ответа, Вадим.
  - В Нинакан, — не чувствуя еще тревоги, ответил за друга Феликс.
  - Неужели вы не понимаете, что они приехали за Вадимом?
  - Вот эти помятые бичи?
  - Да.
  - Или они дураки, или рассчитывали, что Вадим дурак — будет битый час ждать их там. Убей меня, но не похожи они на милиционеров.
  - Небритые, мятые — это все маскировка. Нечего делать кавказцу в московской сберкассе. Деньги бичи-шабашники отправляют с почты. Чаще всего — с Центрального телеграфа. Там и получают деньги. А что ему делать в сберкассе?
  - То же что и всем. Класть бабки на книжку. Или забирать.
  - Шабашники отправляют бабки на аккредитив. А брать — это смешно. Откуда у него в районе Чертаново книжка? А сзади них плелся местный мусор. Коллеги, так сказать. Они же по всей стране обычно сотрудничают. Работают сообща.
  - Ну, а для чего с таким опозданием заявляться в сберкассу?
  - На деньги посмотреть, на те шесть тысяч, поговорить с кассиршей. По ее рассказу составить словесный портрет Вадима. Чего тут лясы точить? Человек не моргнув глазом оставил на память три тысячи рублей и смылся. Оставил не какие-нибудь бабки, а именно те, которые, теперь уже можно сказать правду, ищут уже десять месяцев. Чего мы тут гадаем?
  - Все ясно. Но ведь еще надо найти нас, — сказал Вадим.
  - Тебя найдут в два счета. Твой портрет уже написан муровским художником. Для истории. Для Третьяковской галереи. Ну вот что. Я поехал к себе, на Красную Пресню. Собирайтесь в дорогу. Люба остается, а остальные — на дно. Страна большая.

Поздно вечером зазвонил телефон в гостиничном номере. Трубку взял Самсон Асатрян. Он доложил обстановку проку-

рору Суреняну. Рассказал, как четко и грамотно московская милиция организовала розыск преступников. То и дело повторял: «Прямо позавидовать можно. Такая оперативность!» Суренян сказал по телефону, что если сумеют перекрыть все вокзалы и аэропорты, если участковая служба сумеет провести опрос, как это делают в институте Гэллапа, то к утру преступники будут задержаны. Хотя тут же опроверг свои оптимистические аргументы: перекрыть вокзалы и аэропорты практически невозможно. Что же касается участковой милиции, то она окажется беспомощной среди многоквартирных домов-исполинов. Да в таких домах шумная компания надолго и не задержится. Со всех сторон соседи, которые жаждут покоя. Вмиг пожаловались бы. Если не шуметь, то вряд ли кто тебя заметит. Другое дело — старые поленовские московские дворики. Там все у всех на виду. Уж если кто дважды прошел по двору из незнакомых — вездесущие старухи враз возьмут на заметку. «Судя по всему, — закончил разговор Суренян, — их накроют в одном из старых московских домов. Не могли они столько времени жить в большом доме, находясь вне подозрения. Один — еще куда ни шло, но вдвоем — вряд ли».

После разговора по телефону Самсон и Вардан, побритые, в выглаженных костюмах, поехали к своим московским коллегам, уже официально участвовать в крупнейшей операции.

Всю ночь бодрствовала московская милиция. У каждого сотрудника, «прочесывающего» вокзалы и аэропорты, у всех участковых милиционеров в кармане лежал переснятый с цветного рисунка художника словесный портрет молодого парня. Пышные светлые волосы, большие голубые глаза, пшеничные усы.

В десять часов утра следующего дня участковый милиционер Иван Матвеевич Трифонов вошел в старинный дворик на Краснопресненской улице недалеко от зоопарка. Он разговаривал с женщиной, которая прогуливалась с крохотной девочкой. Справился у женщины, не видела ли в этих местах временных жильцов, например, с Кавказа или из Средней Азии. Женщина показала рукой на ветхий домик, едва заметный за двумя ветвистыми тополями.

Иван Трифонов подошел к домику, на который указала женщина с ребенком. «Таких домов, — подумал он, — теперь мало осталось в Москве. И в каждом из них, как правило, одинокая старуха. Дети оперились, выпорхнули, получив квартиры в новых домах. А вот старухи, редко — старики, остались.

Они держатся в таких домах до последнего. Уходят только тогда, когда во двор медленно с ревом вкатывается бульдозер».

Не успел участковый подойти вплотную к двери, как перед ним выросла хозяйка дома. Он никак не ожидал, что так быстро откроется дверь и в просвете появится похожая на свой дом ветхая старуха.

— Здравствуйте, тетя Нюра, — сказал приветливо участковый.

— Здравствуйте, — тихо ответила она, — если опять уговаривать, то ничего не выйдет.

— О чем это вы, тетя Нюр?

— Все о том же. Не поеду я на край света. Я здесь родилась.

— Да я о другом. Я по поводу вашего квартиранта.

— Уже донесли. Никакой он не квартирант. Поживет несколько дней и не видать неделю. Голоса его никто не слышал, а уже донесли. Да я и денег не брала с него. Он всегда приносил продукты. А денег старалась не брать.

— Где же он теперь?

— Аккурат, давеча уехал.

— Когда это давеча, тетя Нюр?

— Да с утра. Взял свои вещи и сказал, что уезжает.

— А куда?

— Домой, наверное, к себе. В Армению, кажись.

— А в Москве у него никого не было?

— Было, как не было! Он у них и пропадал. И девица там. Кажется, невеста ему. Я говорила, что жениться надо. А он: скоро, тетя Нюр, скоро.

— Ну, а телефончика у невесты нет?

— А почему вы все спрашиваете? Натворил он что, Николай-то? Да заходите в дом. Чего стоим на пороге? Не ровен час, соседи черт-те что подумают. С утра, мол, спозаранку милиционер появился.

— Никто ничего дурного не подумает. Я же ваш участковый. Мы проверяем квартирантов. Ничего, конечно, если кто погостит, а то ведь, случается, годами живут без прописки, — участковый говорил, осматривая комнату. Старенький комод, тяжелый стол с гнутыми ножками, старый массивный телефон на приземистой тумбочке. Он подошел к телефону и вновь справился, нет ли номера у невесты квартиранта.

— Телефон есть. Он же не раз звонил. И ему звонили. И мне он звонил.

— Тетя Нюр, наберите номер... Если вдруг он там, то скажите, что забыл здесь сверток. Если же спросит, что в свертке,

ответьте, что не можете без него открыть. Скажите, что на ощупь там какие-то твердые бумажные пачки.

— А зачем все это? Вы сначала объясните мне.

— Так надо, тетя Нюр. Представитель власти не стал бы вас беспокоить, не будь в этом надобности. Да много ли беспокойства: позвонить и сказать несколько слов.

— Так ведь не в беспокойстве дело. Люди мы, человеки. Старая я женщина, но имею свои принципы.

— Тем более, тетя Нюр. Вот и давайте будем принципиальными. Нам что нужно? Посмотреть на вашего квартиранта, поговорить. Ошибемся — скатертью дорожка. А вдруг это тот самый человек, который совершил тяжкое преступление. А жил он у вас. На что, кстати, не имел права. Тогда как?

— Ваша правда. Я позвоню. Только, скажу, не может он, Николай, совершить тяжкого, как вы говорите, преступления, — сказала тетя Нюра и набрала номер телефона.

...Трубку подняла женщина. Тетя Нюра по голосу узнала ту самую невесту, о которой говорила участковому милиционеру. Попросила передать трубку Николаю. Дальше старуха говорила все, как велел участковый, который рассуждал по-своему мудро. Квартирант, если это тот, кого ищут, непременно подумает о содержимом свертка. Мало ли что! А вдруг там деньги? Может, Вадим так и не отнес их в сберкассу? Может, должен был отнести Любе, чтобы оттуда в сберкассу, да и забыл? Если не пойти — старуха непременно заглянет в сверток. И если там деньги — позвонит в милицию. Час может не звонить, день, два. А потом непременно позвонит. Скажет номер телефона Кузнецовых. Возьмут Любу, а там хоть прячься на краю света — найдут, имея все данные. И Николай выехал к тете Нюре, все сокрушаясь по дороге: «С каким удовольствием, ах, с каким удовольствием... отдал бы тебе эти деньги, тетя Нюра...» Как только хозяйка ветхого дома закончила разговор и положила трубку, участковый позвонил в отделение. Он представился и попросил выслать людей на Краснопресненскую. Попросил также, чтобы по телефонному номеру выяснили адрес «невесты» и послали туда людей. Если ошибка — извиниться и дело с концом.

Оставив такси на улице, Николай побежал через арку двора к дому, в котором квартировал несколько месяцев. Он открыл дверь, бросился на кухню, где у газовой плиты возилась хозяйка дома. Спросил, запыхавшись:

— Где сверток, тетя Нюр? Спешу на самолет.

Не отрываясь от плиты, она показала рукой на занавеску, за которой находилась его кровать. Николай подозрительно посмотрел на занавеску, перевел взгляд на сгорбленную старуху, склонившуюся над плитой, и приблизился к распахнутому настежь окну. Неожиданно отдернулась занавеска и в тесной кухне во весь рост встала фигура участкового.

— Ваши документы? — спокойно спросил Трифонов.

Николай, ухватившись за край кухонного стола, резко опрокинул его на участкового, с силой ударил по голове старуху, лег спиной на широкий подоконник, проделав сальто, перевернулся и вылетел на улицу. Дважды кувыркнувшись на земле, он вскочил на ноги и устремился к арке. Вслед за ним выпрыгнул из окна и участковый. Под старинной аркой в нешироком проходе дорогу Николаю перекрыли три милиционера. Он остановился на мгновение, которого ему, казалось, было достаточно, чтобы принять решение. В прыжке ударил головой в лицо одному из них. Сделал обманное движение, будто хотел пробежать под стеной, но быстро изменил направление и проскочил под другой. Чувствуя, что на большой скорости не удержится на ногах, он вновь кувыркнулся. Но встать на ноги не успел. В прыжке его накрыл всем телом милиционер и ловко вывернул руки за спину.

Милицейская машина стояла на улице напротив арки рядом с такси. Держа с двух сторон за руки, Николая тащили к машине. Водитель такси, узнав в нем своего пассажира, которого так долго ждал, подошел к одному из милиционеров и громко спросил:

- А кто же будет рассчитываться за такси?
- Запишешь «холостой пробег». А пока поедешь с нами.
- Куда это?
- В отделение.
- А я тут при чем?
- Обязательно, что ли, должен быть при чем?

— Когда приехали? — спросил Суренян, обращаясь одновременно к Самсону Асатряню и Вардану Хачатряню.

— Ночью, — ответил Самсон.

— Не драматизируй. Утром, — поправил друга Вардан.

— Значит, с корабля на бал, — сказал Суренян. — Ну, что ж, докладывайте. О многом, конечно, я уже знаю. Детали! Прежде могу сказать вам: пока вы там ели сосиски с горчицей...

Когда я еду в Москву, всегда предвкушаю, как в буфете гостиницы поем горчицы. Дома мои не признают ее, а я люблю... Так что пока вы там мазали горчицу на тонкий ломтик черного хлеба, я тут занимался делом. Узнав в первый же день, что фамилия обоих Каланян, я вспомнил, что она уже где-то встречалась. Потерял было сон, да благодарная память спасла меня. Оказывается, такую же фамилию я встречал в списках работников ювелирной фабрики. Довольно редкая фамилия. Вызываю я этого самого ювелирного работника, и прямо в лоб, мол, смотри, парень, что получается. Четыре года никто ничего не знал о том, кто пытался ограбить ювелирную фабрику. И, может, еще сто лет никто не знал бы. Я его спрашиваю: «Улавливаешь, на что я намекаю?» А он: «Нет». Но вижу, волнуется. Чует, что-то произошло. Ну, я и говорю: «Если бы не поймали твоих братьев-друзжков». Расскажи, говорю, честно, как все было — облегчишь свою участь. Нет — пеняй на себя. И парень выложил все, как было. Так что еще одним нераскрытым преступлением меньше. Да еще каким! Как-никак тридцать два килограмма золота.

— Да, парни с размахом, — сказал Самсон.

— Когда они будут здесь?

— Только вчера этапировали. Думаю, дней через шесть, — сказал Вардан. — Их же везут с комфортом, как вы и приказали, раздельно. Николай так толком и не знает, задержаны или нет его сообщники. А остальные вообще уверены, что, как они его называют, шефа мы еще не взяли.

— Это очень важно. На первых порах они будут врать направо, напридумают ворох историй, наговорят сорок бочек арестантов... Ну а девица с братом, они что и впрямь не догадывались о банке? Все-таки ворочали такими деньгами. И вся страна знала, что у нас ограбили банк. Не могли они не догадываться.

— Может, и догадывались, — сказал Асатрян, — но мы вряд ли сможем доказать, что они точно знали. Преступники выдавали себя за картежников и упорно держались этой легенды. Ну, а тем как-то было все равно...

— Нет смысла нажимать на них, — сказал Вардан, — мол, знали они или нет. Это ничего не даст...

— Я вижу, брат с сестрой у вас вызывают симпатию.

— Особенно сестра — у Вардана.

— А что? Девушка симпатичная, — сказал Вардан, краснея, — если, конечно, замужнюю женщину можно назвать де-

вушкой. Да, я уверен, она вряд ли будет интересовать суд. Тут другое: нет сомнения, что операцией от начала до конца руководил Николай. Такой он едкий, цепкий, в то же время смысленный. А второй, Феликс, простоватый. Наивный...

— У Николая есть верное алиби, — сказал Самсон.

— Знаю. Мы уже проверяли. Успели за целую неделю. Он действительно в те дни, да и после находился в больнице. Как только вы по телефону рассказали о его «алиби», я тут все проверил лично. И сам же успел побеседовать со многими больными, которые пятого и шестого августа находились с ним в больнице. Мне кажется, он в эти дни перестарался. Прямо как многоборец по настольным играм. Его все хорошо запомнили. Запомнили и то, что очень плохо играл. Никакого алиби у него нет. Ведь никто ему и не говорит, что он непосредственно спускался по веревке в комнату-сейф. Ну, а что они сказали о наводчике? Кстати, кто первый о нем заговорил?

— Николай, — ответил Вардан.

— А Феликс, собственно, никого и не выдавал. Он во всех подробностях лишь рассказывает, как действовал сам. Ни словом не обмолвился о своем шефе, пока мы сами ему об этом не напомнили, — сказал Самсон.

— Так он же не знает, что Николай задержан.

— Не знает. Но мы ему объявили, что нам все известно. А когда сказали, что его дружок в тот день находился в больнице, он от удивления сник и начал с какой-то осторожностью говорить о шефе. Зато Николай всех назвал с самого начала. И валит в основном на работника банка Завена Багдасяна да на Феликса Катаняна, который и действовал якобы по схеме наводчика.

— Как он выглядит, Николай Каланян?

— Любовь Кузнецову спросили, что она думает о Николае? Та ответила: «О таких мечтают, как мечтают девушки о принцах». Красивое лицо. Пухлые губы. Крепкий, видать, как крепень. Но мелкая душа, — завершил Асатрян.

— Почему?

— В первый день во время допроса в Москве все хорохорился, никак не мог прийти в себя. Во второй — болтал без умолку, выдавал себя за жертву, за человека, которого околпачили. На третий день, почувствовав, что дело намного серьезнее, чем ему кажется, смотрел на нас уже зверем. А с одним на московских следователей отказался говорить только потому, что тот к нему обращался на «ты». На четвертый день начал

торговаться. Готов был выложить все и даже, как сам выразился, «больше, чем надо», только при условии, при гарантии, что судить его будут не по одной и той же статье с Феликсом, который является единственным грабителем банка.

— Жить хочется...

— Очень, видать, хочется, — сказал Самсон.

— А тебе, конечно, не очень хочется? — передразнил друга Хачатрян.

— Тут ведь не просто жить хочется, — сказал Суренян. — Тут расчет особый. Скажем, так: двадцать семь лет. Кстати, кто-то обещал написать песню, если я угадаю возраст воров, — Суренян не дал опомниться своим подчиненным и тотчас же продолжил: — Отсидит пятнадцать. Выйдет в сорок два года. Мужчина, как говорится, в соку. Только жить да жить, тем более если... Ну, кто из вас догадается... Тем более если...

— Тем более если, — первым начал Хачатрян, — друга расстреляют и соответственно можно будет не бояться угрызений совести.

— Что-то тут есть, но не то. А что скажет товарищ Асатрян?

— Тем более если возраст позволит начать все сначала, даже создать семью. Хотя такой человек...

— Вот именно, такой человек... Тем более если где-то в надежном месте тебя ждут немалые средства на всю, так сказать, оставшуюся жизнь. Я тут подсчитал. Государству мы вернули один миллион двести девяносто, короче — триста тысяч. Пусть они потратили сто тысяч. Вместе с машиной, которую они купили, вместе с деньгами, которые он передал матери, сестре, на могилу отца. Тут третьего дня все было проверено в Краснодаре и перепроверено. Все точно. Ну, пусть даже потратили сто пятьдесят тысяч. Это же, черт возьми, как-никак новыми деньгами.

— Нынче на базаре словно идет торговля старыми деньгами. Будто и не было реформы «один к десяти», — сказал Самсон.

— Ну, мысль эта далеко не оригинальная. Да и преступники, думаю, не базаром пользовались в Москве. Хлеб покупали, по крайней мере, в точном соответствии пропорции один к десяти.

— Не хлебом единым.

— И водка, как бы она ни подорожала за последние годы, стоит меньше десяти, а то и меньше пяти. Так что хватило бы им, думаю, даже на ежедневные кутежи ста пятидесяти тысяч. А где же его тысяч? Они сказали, что потратили, вы взяли и

поверили на слово. Конечно, бедняги не могут составить отчет по командировке и квитанции не могут представить бухгалтерии. Но есть же элементарный трезвый расчет. Сто тысяч припрятаны. И припрятал их, как это ни странно, Феликс. Но припрятал для Николая, который с самого начала был уверен, что напарнику будет вышка, а ему — сойдет. Николай был уверен и в том, что Феликс не проболтается. Ведь в таких случаях прячут на черный день. А кто из нас знает, когда именно наступит этот самый черный день. Все думаем, как бы нам ни было тяжело, что он, этот самый день — впереди. Так что до последнего Феликс может об этом не сказать. Ну, а Николай — тем более.

— А если они так до конца и не скажут? — спросил Хачатрян. — Они и не обязаны. Это мы должны у них выудить. Например, Феликсу передать признание Николая, который и рассказал о спрятанных на черный день деньгах. И наоборот, Николаю сказать, что Феликс признался. Да и вообще, мало ли средств и методов. Сто тысяч — это большие деньги. Государственные деньги. Ни единой копейки, похищенной у государства, нельзя давать спокойно тратить похитителю. А тут, на радостях, что задержали акул, мы готовы чуть ли не подарить им сто тысяч рублей.

— Я боюсь вновь прослыть неоригинальным, но не могу не сказать, что парень этот — голова.

— Полноте, — махнул рукой Суренян, — я тоже поначалу так думал. То, что он вытворял до банка, для меня не представляет интереса. Брал не так умом, как нахальством, которое у него росло от чувства безнаказанности. А банк... Как вам сказать? Такое стечение поистине счастливых обстоятельств могло быть из миллиона одно. Чтобы деньги хранились на втором этаже, чтобы охрана пребывала в гипнозе от сознания того, что у нас банк не грабят, чтоб, наконец, какие-то болваны оставили настежь открытыми окна здания. Прямо один из миллиона случаев. Я бы сказал, не так он выиграл, как мы все проиграли. А как вел себя этот самый голоса? Как, по-вашему, что он должен был сделать, чтобы вконец запутать всех нас с этими самыми сторублевыми купюрами ?

— Подождать, — сказал Самсон.

— Самсон прав, — согласился Вардан.

— Он хорошо знал, что деньги эти будут искать всегда. До скончания века...

— Что бы вы сделали на его месте? — спросил Самсон.

— Я бы не пожалел денег. Деньги, ведь они не только делают деньги. Они еще и берегут их. Он должен был подбросить пачку с серией АИ в одном месте, подбросить в другом. Рассыпать их в одном месте, потом в другом — на стадионе, в кинотеатре, на площади одного города и на проспекте другого. Вот тогда-то пошла бы путаница. В банки страны стали бы поступать купюры, которые мы ищем. И ничего поделать не смогли бы. Не будешь задерживать всех людей подряд?

— А почему бы и нет? Деньги-то, ясное дело, не честные.

— Очень даже честные. Нашел человек сторублевую бумагу. Огляделся по сторонам — никого нет. Что же он должен сразу бежать в стол находок?

— Но ведь это чужие деньги? — удивился Вардан. — Не клад же нашел. А одну-единственную бумажку, по-вашему, статью учредить в уголовном кодексе на каждый такой конкретный случай? Соблазн — это извечная слабость человека. Нельзя сплошь и рядом наказывать каждого, кто соблазнился на что-то. Куда вернее будет сделать все, чтобы человек не подвергался этому самому соблазну. Мы ведь часто сажаем за решетку человека только за то, что он взял вещь, которая, как говорится, плохо лежит. Может, и верно. Может, так и надо. Хотя тут есть над чем поразмыслить. Но мы почему-то никогда не наказываем того, по чьей вине вещь плохо лежит. А ведь чаще всего речь идет о государственной собственности.

— Вы говорите, надо поразмыслить, — сказал Самсон. — Означает ли это, что вы выражаете сомнение? То есть не всегда надо судить человека, если он украл вещь, которая плохо лежит?

— Да, сомнение. Сомнение, если соблазнившегося человека мы непременно накажем, а главного виновника подадим чуть ли не в образе пострадавшего. Дело доходит до того, что отдаем под суд человека, который собрал с яблоневого сада машину плодов, хотя нам известно, что яблоки эти все равно бы сгнили. И на заседание суда приглашаем не только представителя охраны, но и представителя, так сказать, администрации.

— Как же быть?

— Никак. Мы сейчас можем отвлечься и выйти из русла нашей темы. Я хочу лишь сказать, что надо быть осторожным с соблазнами. Борьба с воровством — это значит прежде всего бороться с условиями, которые приводят к воровству. Это зна-

чит — закрыть наглухо, черт возьми, окна банка. Человек придумал замки и ключи не потому, что кругом одни воры...

Читатель уже знает, что сто тысяч рублей были припрятаны в Нинаканском саду под ореховым деревом. Знает, потому что прокурор Арташес Суренян разгадал тайну преступников, а два его помощника Вардан Хачатрян и Самсон Асатрян сумели выведать се. В форме репортажа я попытался рассказать о работе полюбившихся мне людей, которые сделали все, чтобы зло непременно было наказано. Пользуясь случаем, хочу сказать, что если события, описанные здесь, кому-нибудь покажутся знакомыми, то пусть посчитают это случайным совпадением. Именно поэтому я не назвал город, в котором произошло ограбление банка. Как не собираюсь указывать адрес, где проходил последний следственный эксперимент, суть которого сводилась к тому, чтобы Феликс поднялся по тонкой веревке на четыре с лишним метра, таща на себе двухпудовый груз. Естественно, подобный эксперимент невозможно было проводить в самом банке. Главное, чтобы в бетонной панели, заменяющей потолок, с фотографической точностью было вырезано отверстие, которое в свое время мучительно долго пробивал преступник. Для чистоты эксперимента дали сначала попробовать, так сказать, простому смертному. То бишь, нетренированному человеку — молодому парню из охраны. Ничего у парня не выводило. Раскачивался, как боксерская груша. Покачался из стороны в сторону и свалился на землю, как мешок, под общий хохот присутствующих. Больше всех смеялся Феликс, окруженный вооруженными охранниками. Затем за дело взялся всамделишный гимнаст. Вардан мне сказал, что гимнаст — кандидат в мастера спорта. Спортсмен лихо перебросил через плечо тяжелый рюкзак и довольно ловко начал подниматься по веревке. Но уже с середины все заметили, как он замедлил ход, как его тоже начало вертеть, качать из стороны в сторону. С грехом пополам он добрался до дыры, но надо было еще, повиснув под потолком, вытаскивать свободной рукой пачки уплотненной бумаги из мешка и просовывать в дыру. Гимнаст успел вытащить несколько пачек, но рука, на которой держался под потолком, постепенно вытягивалась. И, наконец, выпрямилась. Через некоторое время гимнаст поднялся еще раз, но уже без груза. Это тоже было предусмотрено экспериментом. А вдруг преступник тоже не с первого захода «решил

задачу». Без груза гимнаст поднялся довольно легко. Но вот пролезть через крохотное отверстие никак не мог. Как ни старался — ничего не выходило. Фигура такая же, как у Феликса. Даже, можно сказать, потоньше, поизящнее. Однако все попытки оказались тщетными.

Феликс начал подниматься при полной тишине. Лишь на самом старте он немного волновался, потом быстро оправился. Полз наверх плавно, уверенно. Где-то на середине поднял ноги в носках, зафиксировал «угол». Дальше поднимался, опираясь ступнями на узлы, которые были завязаны через каждые шестьдесят сантиметров. Под самым потолком он повис на согнутой руке и, не теряя ни минуты, стал вытаскивать пачки. Разгрузил рюкзак примерно наполовину и стал проталкивать его через отверстие. В следующее мгновение он просунул в отверстие левую руку по самый локоть. Затем — голову. Оперся локтем о край отверстия. И начал протискиваться через него, словно ввинчиваясь. Как только вылез наверх, два охранника схватили его за руки и надели на него наручники.

Ему надевали наручники, а он улыбался. Глаза горели, словно он выиграл бой на ответственных спортивных состязаниях. Я смотрел на его сильные руки с набухшими жилами в наручниках и думал: если бы возмездие настигло Николая сразу после первого же совершенного преступления, то, наверное, эти руки, рожденные для добра, сегодня творили бы хорошие дела. Не подоспело, не пришло своевременно возмездие и не предотвратило зло, которое породило только зло. Так бывало всегда. И так, наверное, будет всегда. К несчастью...